

**ТОМСКИЙ СЕВЕР:
ЗЕМЛЯ КАРГАСОКСКАЯ —
БОЛЬ И ГОРДОСТЬ РОССИИ**

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ, ОПЕКИ И ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА
МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «КАРГАСОКСКИЙ РАЙОН»
ГОУ ВПО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ
КАФЕДРА МУЗЕОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Томский Север: ЗЕМЛЯ КАРГАСОКСКАЯ – БОЛЬ И ГОРДОСТЬ РОССИИ

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции

9–11 сентября 2011 г., Каргасок

Издательство Томского университета
2013

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ: ТРАГИЧЕСКИЕ СТРАНИЦЫ

Отец Михаил (Фаст)

ПРАВОСЛАВНОЕ ДУХОВЕНСТВО В НАРЫМСКОЙ ССЫЛКЕ

После октябрьского переворота 1917 г. новая власть открыто объявила войну церкви, верующему народу и всему православному укладу жизни. Государственная идеология правящей партии была направлена на борьбу с церковью и насаждение атеизма среди граждан. Советское правительство провозгласило свободу совести и «гарантировало» право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Фактически же преследования и притеснения за веру не прекращались ни на один день. Церкви и монастыри были закрыты и разорены, их имущество было расхищено. Монашество, духовенство и миряне подвергались жесточайшим гонениям. В тысячелетней истории русской церкви мученичество за Христа и за веру приняло массовый, всенародный характер. В официальных же средствах массовой информации всячески пытались опровергнуть «буржуазную пропаганду», утверждавшую, что церковь в СССР гонима.

Пришедшие к власти большевики, провозгласив «свободу совести» и «отделив» церковь от государства, не оставили её в покое. В декрете «О свободе совести» речь шла не столько об «отделении церкви от государства», сколько о лишении церкви всяческих прав: права юридического лица, права владения храмами и церковным имуществом, права обучения вере в общественных и частных учебных заведениях¹. Курс нового правительства был направлен на «освобождение трудящихся масс от религиозных пережитков». Начались преследования за религиозное мировоззрение, а к духовенству стали относиться как к «классовому врагу». Под любым предлогом старались закрывать храмы, изымать церковные ценности, к «контр-

¹ Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20 января (2 февраля) 1918 г., п. 13 // Известия. 1918. 21 янв. (3 февр.).

революционному» духовенству стали применять прямые репрессии, вплоть до тюремных заключений и расстрелов.

Одной из форм репрессий по отношению к православному духовенству, как и для других слоев нашего общества, была ссылка. Одним из самых известных мест ссылки был Нарымский край.

К священнослужителям ссылка в Нарымский край применялась по меньшей мере с 1922 по 1955 г. В ссылку духовенство попадало вместе и с раскулаченными, и с так называемыми туеядцами.

Точных сведений о ссыльных нет, они проходили по линии МВД. Дела этого ведомства практически не сохранились. Да и «личные дела» на административно-ссыльных, в которых они должны были отмечаться в местных комендатурах, начали заводить лишь с 1949 г. Сведения о ссыльных, как правило, находим в косвенных источниках. Трудно определить даже число ссыльного духовенства. Епископ Иоанн (Троянский) в докладной записке на имя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия в 1933 г. сообщает, что в Тымске «нас духовных, как ныне называют «культелужителей», свыше 100 человек»¹. А протоиерей Пётр Гаврилов из Бийска в 1934 г. сообщил, что вместе с ним в нарымской ссылке было около 130 священников². В 1937–1938 гг. многие ссыльные священники были расстреляны в Колпашеве или в Томске.

Среди ссыльного духовенства было немало известных иерархов Русской православной церкви (РПЦ). С 1923 по 1926 г. в ссылке в Колпашеве проживал семидесятилетний заместитель местоблюстителя патриаршего престола митрополит Агафангел (Преображенский). Сначала митрополиту пришлось жить в Ново-Абрамкино, в одном из чумов³. В 2000 г. митрополит Агафангел был причислен РПЦ к лику святых.

В 1920–1930-х гг. ссылку в Нарымском крае отбывали и другие архиереи, которые ныне причислены к лику святых: епископ Виктор (Островидов), причисленный к лику святых Русской зарубежной церковью в 1981 г. и Русской православной церковью в 2000 г., архиепископ Антоний (Быстров) в 2007 г. причислен к лику святых, епископ Иоанн (Троянский), причислен Архиерейским собором

¹ <http://orthodox-newspaper.ru/numbers/at37425>. (Из материалов, подготовленных протоиереем Валерием Лавриновым Екатеринбургской епархии).

² Центр хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФ АК). Ф. Р-536. Оп. 1. Д. 239. Л. 70.

³ Менькова И.Г. Ради мира церковного. Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника. Кн. 2. М., 2003. С. 211.

в 2000 г. к лику святых, епископ Иоасаф (князь Жевахов) в 2002 г. причислен к лику святых.

Из известных иерархов в нарымской ссылке были также последний наместник Донского монастыря в Москве, в дальнейшем архиепископ Алексей (Палицын), епископ Евфимий (Лапин), епископ Иоанникий (Сперанский), епископ Варсонофий (Вихвелин), в 1933 г. архиепископ Корнилий (Соболев), убитый уголовником в Тымске с целью ограбления, и др. Всего около двадцати архиереев отбыли на нарымскую ссылку, а священнослужителей и монахов, надо полагать, были сотни. Кроме того, в нарымской ссылке было немало архиереев и священников григорианской и обновленческой ориентаций.

Немалое число священников не вернулись из ссылки. Так, в «Репорте» епископа Иоанна (Троянского) на имя местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) по поводу смерти архиепископа Корнилия (Соболева) от 24 апреля 1933 г. написано: «Отпетие, по чину пасхальному, было мною совершено с 6 протоиереями и иереями в доме, в его квартире, погребен на общественном кладбище, в ряду преждепочивших: одного протоиерея, 2 иереев и 1 иеромонаха, проживавших в селении Тымском Каргасокского района Нарымского округа Западно-Сибирского края в качестве высланных из Российских пределов»¹.

Нарымская ссылка отличалась особенно тяжёлыми условиями быта. В зимнее время сильные морозы, а значит, необходимо было иметь тёплую одежду. Летом в болотистых местах много гноса. В среде прихожан томских храмов, хорошо понимавших тяжесть условий нарымской ссылки, появилась практика сбора средств (денег, одежды, продуктов) для ссыльного духовенства. Заниматься этим было небезопасно.

В деле сбора помощи ссыльному духовенству наиболее известной стала наша святая мученица Татьяна (Гримблит). Игумен Дамаскин (Орловский) в составленном им житии мученицы Татьяны называет её даже «всероссийской благотворительницей находящимся в узах». Сотрудники же ОГПУ характеризовали её так: «Татьяна Николаевна Гримблит имеет связь с контрреволюционным элементом духовенства, которое находится в Нарымском крае, в Архангельске, в Томской и Иркутской тюрьмах. Производит сборы и пересылает частью по почте, большинство с оказией. Гримблит во всех тихоновских приходах имеет

¹ <http://orthodox-newspaper.ru/numbers/at37425>. (Из материалов, подготовленных протоиереем Валерием Лавриновым Екатеринбургской епархии).

своих близких знакомых, через которых и производятся сборы»¹. На следствии 6 мая 1925 г. Татьяне был задан вопрос, помогала ли она ссыльному духовенству и кому именно, а также через кого она пересылала посылки в другие города, на что та ответила:

– С 1920 года я оказывала материальную помощь ссыльному духовенству и вообще ссыльным, находящимся в Александровском центре, Иркутской тюрьме и Томской и в Нарымском крае. Средства мной собирались по церквям и городу как в денежной форме, так и вещами и продуктами. Деньги и вещи посылались мной по почте и с попутчиками, то есть оказией. С попутчиками отправляла в нарымскую ссылку посылку весом около двух пудов на имя епископа Варсонофия (Вихвелина). Фамилию попутчика я не знаю. Перед Рождеством мною еще была послана посылка на то же имя, фамилию попутчика тоже не знаю. В Александровском центре я оказывала помощь священникам, в Иркутской тюрьме епископу Виктору (Богоявленскому), в нарымской ссылке священникам Попову и Копылову, епископам Евфимию (Лапину), Антонию (Быстрову), Иоанникию (Сперанскому), Агафангелу (Преображенскому) и заключенному духовенству, находящемуся в томских домах заключения, и мирянам.

– Обращались ли вы к духовенству с просьбой оказать содействие по сбору средств для заключенных и ссыльных? – спросил следователь.

– Да, обращалась, но получала с их стороны отказ, – ответила Татьяна, не желая впутывать в это дело никого из священников.

– Кого вы знаете из лиц, производивших помимо вас сборы для заключённых и ссыльных?

– Лиц, производивших помимо меня сборы, не знаю.

На следующий день ОГПУ выписало ордер на арест Татьяны, и она была заключена в тюрьму Томского ОГПУ².

Конечно, Татьяна Гримблит не была одинока в этом подвиге. В 1926 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, в котором появилась известная 58-я статья, по которой в течение 34 лет могли обвинить практически любого человека в контрреволюционных преступлениях. Первыми осужденными по 58-й статье в г. Томске были

¹ Мученица Татьяна (Гримблит). Мне бы жизнь за Тебя положить. Храм Казанской иконы Божией Матери. Реутов, 2008. С. 16; УФСБ России по Томской обл. Д. 11803-П.

² Мученица Татьяна (Гримблит). Мне бы жизнь... С. 16–22; УФСБ России по Томской обл. Д. 11803-П.

дочь протоиерея Владимира Калугина – Клавдия Калугина и псаломщик Воскресенской церкви Фёдор Просандеев¹, которых обвинили в контрреволюционной агитации и 4 ноября 1927 г. приговорили каждого к 2 годам концлагерей. Оба обвинялись в сборе средств для оказания помощи ссыльному духовенству. Многие священники были допрошены как свидетели, но они не выдали Просандеева и Калугину. И только протоиерей Евгений Удинцев, бывший осведомителем, в своих показаниях подтвердил, что действительно «Клавдия по подписным листам собирала деньги на ссыльное духовенство. Калугина настроена на 100% антисоветски...»².

В 1930 г. были арестованы и осуждены к высылке на север за сбор денег и отправку посылок в Нарым ссыльному духовенству Акулина Алексеевна Синичкина, Надежда Михайловна Гроздова, Зинаида Феликсовна Безотчества³. На допросе Безотчества дала показания: «... Действительно виновата в том, что собирала деньги среди прихожан для отсылки их ссыльному духовенству в Нарым и проживающим в Томске. Я не знала, что на это надо брать разрешение, это я делала как христианка, считая своей обязанностью. Собирали мы с Синичкиной и отдавали их священнику Диатроптову, который их хранил, а потом, когда их скапливалось немного, мы покупали вещи и отправляли их посылками, деньгами, с попутчиками, с кем, я не помню. Начали собирать деньги так с 1929 года с августа месяца. Этому научил нас священник Чистосердов...»⁴. Муж Зинаиды Безотчества, Василий Фёдорович Безотчества, также был арестован и 10 апреля 1930 г. расстрелян, а имущество его конфисковано. В показаниях на него читаем: «... Домовладелец. Все время вел сбор нелегальных денег на духовенство, сосланное в Нарым...»⁵. В 1948 г. в ссылку в Туруханский край за помощь ссыльным была отправлена Мария Васильевна Егорова⁶. Оказывается, помощь ссыльным считалась преступлением.

¹ Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в 20-х – начале 50-х годов). Томск, 1995. С. 67–68.

² Архив УФСБ по Томской области (ТО). Д. № П-2110.

³ Архив УФСБ по ТО. Д. П-8805.

⁴ Архив УФСБ по ТО. Д. П-8805. Л. 219.

⁵ Архив УФСБ по ТО. Д. П-8805.

⁶ Архив УФСБ по ТО. Д. П-6348.

О.Б. Беликова

«СУРОВАЯ НАКАЗАНЬ»: ССЫЛКА АЛТАЙСКОЙ СЕМЬИ КОРОСТЕЛКИНЫХ В ПАРАБЕЛЬЕ (1931–1948 гг.)

С каргасокской и парабельской землёй связана жизнь Коростелкиных – родительской семьи моей мамы. Основой рассказа о них стали документы из архивов Информационного центра Управления внутренних дел Томской области¹, Томского государственного университета², Томского государственного педагогического университета³, справка из Государственного архива Новосибирской области⁴, домашние архивные собрания, а также воспоминания потомков семьи Коростелкиных.

Мама, Анна Сергеевна Кокорина, до замужества Коростелкина, родилась в 1926 г. на Алтае в селе Верх-Камышенка, которое тогда относилось к Покровскому району Рубцовского округа Сибирского края. Позднее и ныне этот населенный пункт административно находится на территории Краснощёковского района Алтайского края. Своим днем рождения она считала 4 ноября. Как мама вспоминала, точную дату «тятя забыл», говорил, что родилась она «на Казанскую»⁵. Однажды я задала ей бестактный вопрос: «Фамилия Коростелкины произошла от слова “короста”?». Тихо, с достоинством, через которое ощущалась обида, она сказала: «Коростелкины – от названия птички “коростель”...». Наверное, ей не раз приходилось отвечать подобным образом.

Ее родители были крестьянами. Отец, Сергей Евдокимович Коростелкин, родился в 1877 или 1878 г. в Придонье – в селе Речица

¹ См.: Личное дело № 48045 выслелца: Коростелкин Сергей Евдокимович // Архив Информационного центра Управления внутренних дел Томской области. Д. Р-29537. 35 л.

² См.: Коростелкина Анна Сергеевна: [личное дело. 16 мая 1946 г. – 18 июня 1948 г.] // Архив ТГУ. Ф. Р-815. Оп. 64. Д. 1952. 7 л.

³ См.: Коростелкина Анна Сергеевна: [личное дело. 22 июня 1948 г.] // Архив ТГПУ. Ф. Р-556. Д. 2006, связка 30.

⁴ См.: [Справка о Коростелкиных] из Государственного казенного учреждения Новосибирской области «Государственный архив Новосибирской области». № 853-Т от 16 января 2012 г.

⁵ Имелось в виду празднование в православии явления Казанской иконы Пресвятой Богиней Матери, которое установлено 21 июля (8 июля по старому стилю) в день ее обретения и 4 ноября (22 октября по старому стилю) в память избавления Москвы и России от поляков в 1612 г.

Ливенского уезда Орловской губернии. С 20 лет начал батрачить: «жил в батраках, жил 7 лет»¹. Известно, что впервые он женился на Орловщине. Но его первая жена и единственный от неё ребенок умерли во время переселения в 1900 г. на Алтай. Помнится, мама говорила, что семья «тятя» (отца) продвигалась в Сибирь на конных подводах. Переселялся Сергей (тогда ему было 22–23 года) вместе со своими родными братьями Михаилом и Павлом.

Вторым браком Сергей Евдокимович женился на Анастасии Николаевне Малаховой (моя бабушка), родившейся в октябре 1881 г. На Алтае вначале хозяйничал совместно с братьями, а «в 1913 году хозяйство было разделено на три части»², и он стал проживать своей семьёй. В 1915–1917 гг. участвовал в Первой мировой войне, служил в царской армии санитаром. После службы вернулся на Алтай и продолжил жить отдельно, своим хозяйством, которое сам называл как «среднятское», «маломочное среднятское». У семьи был свой дом, скот – «3 лошади и 2 коровы и 8 о[вец] и одна сенокосилка»³. Занимались земледелием. Надо полагать, имелся и земельный надел, возделываемый силами семейства. У Сергея Евдокимовича и Анастасии Николаевны Коростелкиных было 2 сына и 3 дочери: Пелагея (1908 г.р.), Никита (1915 г.р.), Семен (1918 г.р.), Антонида (1921 г.р.) и Анна (1926 г.р.), все они родились в Верх-Камышенке. Из времен жизни на Алтае, видимо, достаточно сытой и благополучной, ни одной общей фотографии семьи Коростелкиных или кого-либо из её состава пока не выявлено.

Размеренная жизнь на Алтае, выстраиваемая Сергеем Евдокимовичем более трёх десятилетий, рухнула в одночасье. Сначала постановлением Верх-Камышенской сельской избирательной комиссии Покровского района он в 1931 г. был лишен избирательных прав. А 14 мая 1931 г. семью Сергея Евдокимовича, признанного «по имущественному происхождению из крестьян-кулаков», сослали «якобы за эксплуатацию наемного труда»⁴ из с. Верх-Камышенка в суровые земли Нарыма – в Парабель, в Каргасокский район Западно-Сибирского края⁵. Сосланы были 5 человек: отец Сергей Евдоки-

¹ Личное дело № 48045... Л. 4.

² Личное дело № 48045... Л. 4.

³ Личное дело № 48045... Л. 3, 4, 4об.

⁴ Личное дело № 48045... Л. 20. Л. 3.

⁵ С 1936 г. – это территория Парабельского района Нарымского округа Западно-Сибирского края; с 1937 г. – Парабельского района Новосибирской области; с 1944 г. и поныне – Парабельского района Томской области.

мович (ему тогда было около 54 лет), мать Анастасия Николаевна (около 49 лет), сын Никита (около 16 лет), дочери Антонида (около 10 лет) и Анна (моей маме было 4 года и 7 месяцев). Старшую дочь, 23-летнюю Пелагею, не выслали потому, что к тому времени на Алтае она уже жила своей семьёй. А младший сын, 13-летний Семён, при высылке сбежал, еще в Верх-Камышенке.

Основанием для высылки семьи Коростелкиных, как и миллионов других людей, стали постановления Центрального комитета ВКП(б) от 30 января 1930 г. и Центрального исполнительного комитета СССР и Совета народных комиссаров СССР от 1 февраля 1930 г., провозгласившие политику ликвидации кулачества как класса. Она развернулась в сторону массового выселения хозяйств, признанных кулацкими. С Алтая Коростелкиных доставили (поездом или обозом?), вероятно, в распределительный пункт Сиблага в Томске. Затем на барже по Томи и Оби вывезли в Нарымский край. Высадили в необжитом месте – на правом берегу р. Вяловка (правый приток р. Парабель), где был основан пос. Малые Бугры Парабельской комендатуры. В ней на 24 сентября 1931 г. числилось 39 поселков, в которых проживало 6 561 семей с 27 693 едоками¹.

Как отмечено документами, «очень плохое питание» спецпереселенцев Парабельской и других северных комендатур привело к их сильному истощению уже в 1931 г.² Самым страшным периодом жизни в ссылке, по рассказам мамы, было время с зимы 1931 г. по весну 1932 г. Жили они в своей бревенчатой полуземлянке, которую сами же успели построить к осени 1931 г. В поселке была огромная смертность, не хватало еды. С содроганием мама вспоминала: «Я училась считать по трупам». Из окошка полуземлянки, где дети проводили практически всё время, она, пятилетняя, смотрела на улицу и когда видела, что соседи выносят умерших, то начинала их считать. Если в счете делала ошибки, то «тятя её поправлял».

Настоящий голод в пос. Малые Бугры настал весной 1932 г. Заболел отец, Сергей Евдокимович («сам болел 10 месяцев»³), в их се-

¹ См.: Красильников С.А. Серп и Молох: Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003. С. 169. (Сер.: Социальная история России XX века).

² См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири: Весна 1931 – начало 1933 г. / Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецов, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова. Новосибирск, 1993. С. 230–231.

³ Личное дело № 48045... Л. 4.

мье практически нечего было есть, все обессилели из-за постоянного недоедания. Единственным способным тогда к маломальской физической нагрузке оставался старший сын Никита в возрасте около 17 лет, который в результате и спас всю семью Коростелкиных от голодной смерти. Пытаясь найти какую-нибудь еду, однажды увидел в омуте огромнейшую старую щуку – «как бревно». Несколько дней он на неё буквально охотился, но безуспешно, что было неудивительно при учёте его физического состояния и, видимо, отсутствия у него, потомственного земледельца, больших навыков в рыболовстве. Каким-то чудом Никита все же смог поймать ту щуку, которой несколько дней и кормилась вся семья Коростелкиных. Это короткое подкрепление сил позволило продержаться им до лета, когда стало легче находить «подножный корм». В документах 1932 г. отражены способы мнимого насыщения спецпереселенцев за счёт суррогатного питания: выпечка хлеба из порошкообразной массы из опилок от полусгнивших осинового пней (или коры березы), смешанных с мукой, приготовление болтушки из муки и пр.¹ Примерно этим питалась тогда и семья Коростелкиных. «Такая суровая казнь»², – назвал С.Е. Коростелкин жизнь своей семьи в пос. Малые Бугры спустя примерно 1 год и 8 месяцев после высылки с Алтая.

В ведении Парабельской участковой комендатуры на сентябрь 1933 г. числилось 18 561 трудопоселенец, включая Коростелкиных, в 8 поселковых комендатурах³. Пытаясь спасти свою семью, облегчить ей жизнь, Сергей Евдокимович в январе 1933 г. предпринимает первую попытку восстановиться в избирательных правах. Правда, его надежды на возвращение домой на Алтай были беспочвенны: как отмечают историки В.П. Данилов и С.А. Красильников, «вопреки ожиданиям спецпереселенцев, восстановление в правах не избавляло их от проживания в комендатурах, а лишь влекло ослабление комендантского надзора над ними»⁴. С.Е. Коростелкин обращается с заявлением в Центральный исполнительный комитет: «Я считаю, что меня неправильно лишили и выслали. Хозяйство моё (то, которое было на Алтае. – О.Б.) средняцкое. Ввиду моей болезни нанимал

¹ См.: Спецпереселенцы в Западной Сибири: Весна 1931... С. 230–231.

² Личное дело № 48045... Л. 4об.

³ Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933–1938 гг. / Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецов, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова. Новосибирск, 1994. С. 244.

⁴ Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933–1938 гг. ... С. 9.

батрачку в 1927 г. на сезон работ на один месяц, жила по договору. Семейство моё 6 душ, нетрудоспособные, а сам болел 10 месяцев ... Против советской власти я не вёл никаких агитаций и хозяйство не транжировал. Материалы, данные на меня, неправильные по личным счетам. А поэтому прошу разобрать моё заявление и восстановить в избирательных правах голоса, так как я совершенно не заслуживаю такую суровую казнь. А по сему прошу не отклонить моей просьбе и к сему подписуюсь [Коростелкин]. 1933 года января 31 дня»¹. Никаких данных об ответе на это заявление в личном деле нет. Причина высылки была только одна – хозяйство его семьи признали кулацким, что и стало своеобразным приговором.

Спустя год, 29 января 1934 г., Сергей Евдокимович обращается со вторым заявлением, на этот раз – в правительственную комиссию главного управления лагерями ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) с просьбой восстановить его и его семью в «правах гражданского пользования»². Также безрезультатно.

Только через 5 лет после высылки, 20 апреля 1936 г., Сергей Евдокимович, его жена Анастасия Николаевна, их дети Никита, Семён, Антонида и Анна, а также внук Валентин (родился в Малых Буграх) были восстановлены в гражданских правах. Но это событие не привело к существенному облегчению жизни Коростелкиных: они по-прежнему должны были проживать в комендатуре, не имели права покидать пределы её территории. Да и позднее всё равно числились трудопоселенцами на учёте в Парабельской комендатуре. Сергей Евдокимович к тому времени был «членом артели им. Ворошилова»³, скорее всего сельскохозяйственной, которая находилась в пос. Малые Бугры. По своему статусу это была явно неуставная артель трудопоселенцев: она создавалась под непосредственным руководством комендатур, якобы «исключительно на добровольных началах».

В 1934 г. Аня Коростелкина в возрасте 7 лет и 10 месяцев пошла учиться в 1-й класс Малобугринской начальной школы. Сохранилась фотография мамы, сделанная в пос. Малые Бугры в 1936 г., вместе с родителями.

¹ Личное дело № 48045... Л. 4, 4об.

² Личное дело № 48045... Л. 3об.

³ Личное дело № 48045... Л. 7.

Спустя 5 лет после начала отбывания ссылки: Анастасия Николаевна (около 55 лет) и Сергей Евдокимович (около 59 лет) Коростелкины с дочерью Анной (9 лет). 1936 г., пос. Малые Бугры Парабельского района Нарымского округа Западно-Сибирского края. Архив О.Б. Беликовой

Дети пос. Малые Бугры. Вторая справа – Аня Коростелкина (Анна Сергеевна Кокорина), остальные участники съемки не идентифицированы. Фотосъемка периода 1933–1937 гг. Архив О.Б. Беликовой

На второй фотографии, снятой в период, вероятно, от 1933 до 1937 г., изображены пятеро улыбающихся ребятшек в возрасте примерно 8–11 лет, сидящие на ограде покосотины, на фоне тайги и какого-то водоема. Надпись на обороте снимка, к огромному сожалению, отсутствует. Про этот снимок, помнится, мама говорила: «Мои друзья по жизни в Малых Буграх».

В 1937 г., скорее всего в феврале, сбжавшего при высылке в мае 1931 г. Семёна, сына Сергея Евдокимовича, власти всё-таки отправили с Алтая в ссылку в пос. Малые Бугры. Прожив здесь более года (работал, как и отец, в сельскохозяйственной артели им. Ворошилова), он попытался выбраться из сурового Парабелья на Алтай. Добился разрешения на выезд из комендатуры «для получения своих ценностей» по месту прежней работы: «денег – 174 руб. 24 коп., сена – 13 ц 32 кг, соломы и мякны – 29 ц 10 кг, кизяк – 291 штук»¹. На руках с этим документом 20-летний Семён добрался до алтайской родины. Но к 15 августа, времени окончания кратковременного отпуска, не стал возвращаться в Малые Бугры, а остался на Алтае, скорее всего в родной д. Верх-Камышенка у родственников. Вскоре он был объявлен бежавшим из Парабельской участковой комендатуры – «бежал 28 / VIII-1938»².

10 ноября 1940 г. сняли с учета трудопоселенцев среднюю дочь в семье Коростелкиных – Антониду Сергеевну Коростелкину. В пос. Малые Бугры в первом квартале 1941 г. проживало 140 чел.³, включая Коростелкиных. Учиться мама продолжила в Парабельской средней школе. Сохранилась фотография учеников её 9-го класса, снятая в конце 1942 г. В возрасте 16 лет, 10 января 1943 г., маму также сняли с учета трудопоселенцев, поэтому летом этого года она смогла выехать из пос. Малые Бугры в г. Колпашево. Здесь, при Колпашевском педагогическом училище по школьному отделению, сдала экстерном 8 экзаменов с отметками преимущественно «отлично».

В 1944 г. мама заканчивала школу. 17-летней она отображена на фотографии в группе девушек 10-го класса Парабельской средней школы, на обороте снимка чернильной ручкой аккуратно написала имена своих одноклассниц. Это единственная групповая фотография из времен маминной жизни в Парабелье, на которой идентифицированы все лица.

¹ Личное дело № 48045... Л. 15.

² Личное дело № 48045... Л. 2 об.

³ См.: Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 6.

Девушки 10-го класса Парабельской средней школы. 25 января 1944 г.

На обороте фотографии надпись рукой А.С. Коростелкиной: «Фотография 1944 г., 25 / I. Девушки 10 кл. Слева направо: Оля Цурикова, Нина Скурихина, Гла[ш]а Скирневская, Нюся Шобухова, Нюся Коростелкина, Лиза Цурикова, Оля Волокитина, Таня Тищенко, Соня Амбарцумян, Сина Перемитина, Таня Куракова, Тома Фомина, Тася Кривошеина, Маша Задорожная, Дуся Родионова. Коростелкиной А.» (перечислены, начиная с верхнего ряда). Архив О.Б. Беликовой

Примерно в 1943 г. мамин брат Семён каким-то образом снова был доставлен с Алтая в пос. Малые Бугры, откуда он бежал в 1938 г. О его появлении можно судить на том основании, что в ряды Советской армии в 1943 г. (месяц не выяснен) он, по некоторым данным, призывался именно Парабельским РВК¹. В 1944 г. по-прежнему находился на фронте, был сержантом 1236-го стрелкового Выборгского Краснознаменного ордена Александра Невского полка 372-й стрелковой Новгородской Краснознаменной дивизии. Выявленная единственная фотография Семёна относится, скорее всего, к 1944 г. Он погиб 1 февраля 1945 г. в возрасте 26–27 лет в Польше в г. Марнен-

¹ См.: Личное дело № 48045... Л. 28; Книга памяти Томской области: 1941–1945: Вспомним всех поименно. Т. 2: Е–Л. Томск, 1994. С. 284.

бург (ныне г. Мальборк Эльблонгского воеводства), где его и похоронили. Конкретно о месте захоронения в извещении указали так: «Площадь кондитерской фабрики, улица Гинтербург Штрассе»¹. Он не был женат и не имел детей.

Семен Сергеевич Коростелкин.
Фотосъемка 13 апреля, вероятно, 1944 г.,
Ленинград. Архив О.Б. Беликовой

Сразу после окончания школы, с 15 июня 1944 г., мама стала работать учительницей в Бугринской начальной школе. У нее, 17-летней, тогда было только среднее образование, так как Колпашевское педагогическое училище официально она ещё не окончила: не был получен документ. 1 марта 1945 г. её перевели на работу учительницей начальных классов в Парабельскую среднюю школу. В какой-то момент она решает учиться в Томском государственном университете. В 1946 г. приезжает в Томск и успешно поступает на очное отделение географического факультета. Но из-за отсутствия финансовой поддержки мама даже не смогла приступить осенью к занятиям в университете, о чём с горечью вспоминала всю свою оставшуюся жизнь.

Она продолжала трудиться учительницей начальных классов в Парабельской средней школе по 6 июля 1948 г. Ее положение теперь упрочилось тем обстоятельством, что спустя 3 года после сдачи экзаменов она получила аттестат от 30 октября 1946 г. об учительском образовании. В нем говорится: «Экстерном сдала экзамен при

¹ Личное дело № 48045... Л. 28; Архив О.Б. Беликовой.

Колпашевском педагогическом училище по школьному отделению», решением Народного комиссариата от 29 октября 1946 г. присвоено «звание учителя начальной школы»¹. Труд мамы во время войны был отмечен: 20 ноября 1946 г. Парабельским РК ВКП(б) за работу учителем в начальных классах она была удостоена медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 г.).

В 1948 г. из семьи Коростелкиных в пос. Малые Бутры остались жить только моя мама и находившийся на учёте в комендатуре её отец Сергей Евдокимович, которому тогда было около 70 лет. Его жена Анастасия Николаевна умерла (15 августа 1944 г.), сын Семён погиб на фронте. Две старшие дочери жили отдельно своими семьями также в Парабельском районе: Пелагея (Полина) Лытнева – в д. Новосельцево, Антонида Зацепина – в д. Шонгино. Старший сын Никита – в Томске. Самая младшая Аня (21 год), моя мама, была не замужем. Всё сложилось так, что она и её отец в 1948 г. решают переехать в Томск. Думаю, инициатива переезда исходила от мамы, на которую повлияло её поступление в 1946 г. на географический факультет Томского государственного университета, где она всё ещё надеялась учиться. Кроме того, в Томске уже жил Никита.

Летом 1948 г., после окончания учебного года, мама пытается решить вопросы своего будущего трудоустройства и образования в Томске. В результате 23 июня 1948 г. последовал приказ по Томскому областному отделу народного образования о её переводе из Парабельской средней школы в 16-ю семилетнюю школу г. Томска. Но к лету 1948 г. Сергей Евдокимович всё ещё оставался «под комендатурой» и не мог покинуть место своего жительства. Понимая, что после её отъезда в Томск он останется в Малых Бутрах совсем один, мама 6 июля 1948 г. подает заявление коменданту Парабельской комендатуры с просьбой снять отца, которого берёт на свое иждивение, с учёта. Сведений об официальном ответе на это заявление нет. Но, возможно, с ним связана справка, подписанная начальником Парабельского районного отделения Министерства государственной безопасности, от августа 1948 г. о том, что на С.Е. Коростелкина «компраматериалами не располагают»². А к 1 декабря 1948 г. было утверждено заключение заместителя начальника Парабельского районного отделения МВД о снятии С.Е. Коростелкина с учёта

¹ Архив О.Б. Белковой.

² Личное дело № 48045... Л. 29.

спецпоселения¹. Скорее всего, это стало следствием приказа МВД СССР и прокуратуры СССР от 28 сентября 1946 г. «О порядке освобождения из спецпоселения спецпереселенцев бывших кулаков», который предусматривал освобождение бывших кулаков, «имеющих детей в Красной Армии».

Ко времени снятия отца с учёта 22-летняя Анна уже жила в Томске, работала учителем русского языка, училась на заочном отделении литературного факультета Томского учительского института. В 1950 г. вышла замуж за Бориса Григорьевича Кокорина – моего отца, – и вскоре уже со своей семьёй вернулась на нарымскую землю, ставшую ей с 1931 г. второй родиной. Сначала жили в Колпашеве (1953–1955 гг.). Затем – в Каргасокском районе: в д. Староюгино (1955–1961 гг.) и пос. Каргасок (1961–1969 гг.), где мама работала учительницей русского языка и литературы, заведующей методическим кабинетом Каргасокского отдела народного образования, а отец – директором школ, учителем истории. Мой дед С.Е. Коростелкин и мама А.С. Кокорина были реабилитированы 30 июня 1992 г. на основании Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г.

В 1988–1990 гг. мама настойчиво пыталась выяснить, сохранилась ли в Польше могила брата Семёна. В её бумагах имеются связанные с поисками 9 документов. Это переписка с различными организациями: Парабельский объединенный районный военный комиссариат, Союз обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, Центральный архив Министерства обороны СССР. Но, к сожалению, ничего конкретного о могиле брата в Польше она до своей кончины (1 августа 2000 г.) так и не узнала.

Позднее мне удалось найти могилу дяди Семёна. 28 ноября 2007 г., сделав первую и единственную попытку отыскать в Интернете сведения о ней, уже через час на форуме я получила ответ от польского краеведа Войтека Бецински: «Здравствуйте, Ольга. Ну и повезло Вам (если это слово можно здесь применить). В сентябре я был на кладбище в г. Мальборк и его сфотографировал. Фамилия Вашего дяди находится на памятной каменной доске у входа на кладбище – значит, он сейчас там покоится. Описание кладбища из каталога и снимки посылаю по личному адресу».

¹ Личное дело № 48045... Л. 30.

СПИСОК ВОИНОВ КРАСНОЙ АРМИИ,
ЗАХОРОНЕННЫХ НА ПОСОБИНСКОМ КЛАДБИЩЕ В Г. МАЛЬБОРК, РЕСПУБЛИКА ПОЛЬША

ФАМИЛИЯ	ИМЯ	ОТЧЕСТВО	ГОД Р.	ДАТА СМЕРТИ	№ МОГИЛЫ
АВЕРИН	АЛЕКСИЙ	АВКСАЙЛОВИЧ	1924	30.01.45	3.9
АЛЕКСИЙ	ГАДАСИН	ТУМОФЕЛОВИЧ	1914	28.01.45	3.6
БАКЛАЖОВ	КОСЯКОВ	КОСЯКОВИЧ	1904	27.01.45	8.28
БАРКОВСКИЙ	ВАСИЛИЙ	КОБСТАНТИНОВИЧ	1909	16.02.45	6.18
БЕДЕР	МАКСИМ	СТЕПАНОВИЧ	1906	21.02.45	7.25
БЕРЗОВ	СТЕПАН	ВАСИЛЬЕВИЧ	1928	08.03.45	6.12
БОРОВИНСКИЙ	ИВАН	ИВАНОВИЧ		26.01.45	8.00
ВАСИЛИЙ	АЛЕКСИЙ	ИВАНОВИЧ	1918	22.02.45	7.26
ВАСИЛЬЕВ	ИВАН	ИВАНОВИЧ	1912	22.02.45	7.22
ВАСИЛЬЕВИЧ	АЛЕКСИЙ	ВАСИЛЬЕВИЧ	1922	08.08.45	8.28
ВНОУТРАДСКИЙ	ГРИГОРИЙ	НИКОЛАЕВИЧ	1911	28.01.45	7.9
ВОРОБЕЙ	САВВА	ПЕТРОВИЧ	1922	26.01.45	7.5
ВОРОБЕЙ	ГРИГОРИЙ	НИКОЛАЕВИЧ	1902	29.01.45	8.11
ГЛАДИН	СТЕПАН	ФЕДОРОВИЧ	1920	26.03.45	7.4
ГОШК	ИВАН	ПЕТРОВИЧ	1908	07.02.45	7.2
ГРЕМАШКО	ГЕОРГИЙ	ИВАНОВИЧ		28.01.45	7.16
ГОРБАЛЬ	ВАСИЛИЙ	ФЕДОРОВИЧ	1907	28.01.45	7.9
ДАШКО	ИВАН	БОРISOВИЧ	1912	27.02.45	8.24
ЕВАНГЕЛОВ	ВАСИЛИЙ	ВАСИЛЬЕВИЧ		08.08.45	8.1
ЕГОРОВ	ПЕТР	ВАСИЛЬЕВИЧ	1924	05.02.45	8.27
ЗАБОРОЖИН	ИВАН	ПАВЛОВИЧ	1909	26.01.45	7.8
ИВАН	ИВАН	АЛЕКСАНДРОВИЧ	1923	26.01.45	8.28
КОТЕЛЬНИКОВ	МАТВЕЙ	АЛЕКСАНДРОВИЧ	1923	25.01.45	8.34
КАДЛОН	АЛЕКСАНДР	СЕРГЕЕВИЧ	1916	26.01.45	8.7
КАРАЛАК	КОНСТАНТИН	СТЕПАНОВИЧ	1908	28.01.45	8.22
КАТЕРИНОУК	ИММАНИЛ	БОЖОВИЧ	1907	13.02.45	8.26
КИСЕЛЬ	НИКОЛАЙ	ВАСИЛЬЕВИЧ	1900	04.02.45	7.12
КЛИМ	ИВАН	ВАСИЛЬЕВИЧ	1913	21.01.45	8.21
КОЛОСНИКОВ	ИВАН	АЛЕКСАНДРОВИЧ	1906	28.01.45	8.5
КОРОСТЕЛКИН	СЕМЕН	СЕРГЕЕВИЧ	1920	01.02.45	7.7
КАВТЕН	АЛЕКСИЙ	НИКОЛАЕВИЧ	1915	01.02.45	8.10
КРУЖОСКИЙ	НИКОЛАЙ	ИВАНОВИЧ	1925	28.02.45	7.20

Кладбище воинов Советской армии (г. Мальборк, Польша).
Каменная плита с именами идентифицированных захороненных.
Третья строка снизу: «Коростелкин Семён Сергеевич»

В итоге удалось выяснить, что в 1948 г. останки Семёна, как и других военнослужащих, погибших при освобождении г. Мальборк и его окрестностей, перенесли на специально обустроенное «Кладбище воинов Советской армии», на ул. 500-летия в этом же городе. Общее количество захороненных на кладбище – 529 чел., но фамилии известны только у 69 чел., включая Семёна. Их имена выбиты на каменных плитах. Останки Семёна Сергеевича Коростелкина (1918 – 1 февраля 1945) перезахоронили в братской могиле 7, место 7. К сожалению, по ряду обстоятельств я до сих пор так и не смогла съездить поклониться могиле дяди. Надеюсь, когда-нибудь удастся.

А. Исаева

ИСТОРИЯ КУЛАЦКОЙ ССЫЛКИ

История родного края всегда интересна тем, кто в нем живет. Но особенно интересна в последнее время тема политических репрессий и процесса раскулачивания. Для жителей Васюганского края тема эта неисчерпаема и всегда будет актуальна. Ведь несмотря на то, что датой основания села Средний Васюган считается 1700 г., по-настоящему этот глухой край стал заселяться и осваиваться лишь в 30-е гг. XX в. вследствие проводимой сталинским руководством политики коллективизации, которая сопровождалась процессом раскулачивания. На Васюганье до сих пор живут люди, которые стали жертвами этой политики, потомки спецпереселенцев, которые погибли здесь от голода и холода, испытывали унижения, огромную душевную боль. Потеряв свою малую родину, оторванные от дома злостью волей советских руководителей, эти люди, выброшенные на глухой берег реки Васюган без каких-либо средств к существованию, пытались не только выжить, но еще и ценой невероятных усилий выполнить государственный план.

На примере семьи Татьяны Кузьминичны Дружининой, которая была сослана на Васюган в 1931 г., я хочу рассказать об одной из самых трагических и страшных страниц истории нашей страны – времени сталинских репрессий.

Территория Нарымского края, расположенного к северу от Томска, еще царским правительством была превращена в место массовой ссылки политических противников. И не зря нарекли край тюрьмой без решеток. Глухая тайга, бесконечные топкие болота, масса рек и речушек, нестерпимый гнус летом и лютые морозы зимой, на десятки и сотни верст разбросанные друг от друга небольшие населённые пункты, бездорожье... Но использовать для ссылки глухие болотистые места Васюганья царское правительство не решилось. Советское же правительство в полной мере использовало эти места для борьбы с теми, кто был неугоден новой власти. И именно сюда, на Васюган, и была сослана моя прабабушка, Татьяна Кузьминична Дружинина вместе со своей семьей. О тех страшных событиях Татьяна Кузьминична оставила свои воспоминания.

Свое повествование она начинает с 5-летнего возраста. Именно столько ей было в 1931 г., когда вместе с семьей как кулаков их сослали на Васюган. Везли их сначала по реке Оби, на большой барже,

в тесном трюме, в котором было очень душно, и маленькая Таня всё время просилась наверх. Есть было нечего, голодные дети всё время плакали и просили хлеба. Санитарных условий не было никаких, поэтому люди часто умирали. Умерших людей выносили на берег в деревянных гробах, там их тела оставляли, а гробы вновь заносили, клали в них новые тела и снова выносили на берег. Так повторялось каждый день. Семья Дружининых по дороге потеряла младшего сына, который умер от дизентерии.

Наконец баржа зашла на реку Васюган. Людей высаживали на берег, где были только лес и нестерпимый гнус. Не было практически никаких инструментов. Люди работали голыми руками, строили балаганы для жилья. Не успевали обустроиться, как людей срывали и везли дальше, вверх по Васюгану. Так семья Дружининых оказалась в самом верховье Васюгана, там, где позднее был образован посёлок Майск. От тяжёлого труда и болезней люди умирали целыми семьями. От дизентерии спасались черёмухой, ягоды которой сушили, перемалывали и затем добавляли в пищу.

Из воспоминаний Татьяны Кузьминичны Дружининой.

«...Бабушка была домохозяйкой, она не работала, в то время ей было уже около 60 лет. Из продуктов единственное, что нам выдавали, – это немного муки, поэтому хлеб стряпали с опилками от берёзы. Берёзу тилили по кольцам, опилки сыпались на тряпку, затем их просеивали, смешивали с мукой и пекли хлеб. Такой хлеб нам тогда казался очень вкусным. Как-то дедушка, ещё живой был, сказал бабушке: «Ну, баба, вот вернёмся домой, обязательно хлеб будем печь с опилками. Какой вкусный хлеб!». «Домой, – говорила бабушка, – а что там делать? Ни кола, ни двора – всё растащили. Леса там нет, строить не с чего, да и силы уже не хватает». Дедушка молчал. «Ты же не будешь молчать, – продолжала бабушка, – будешь требовать своё, а кто тебе отдаст, убьют, как нашего Серку. Как жестоко его убили, привязали к берёзе и медленно убивали». Дедушка согласился: кому мешала собака! Серка был наш пёс, всеобщий любимец...»

...Отец меня брал с собой за черёмухой, уже осенью по снежку. Мы брали с собой палатку из холста, расстилали на землю и трясли черемуху. Ягоды сыпались на палатку, дома их сушили и толкли в ступочке, потом заваривали кипятком, делали, как кашу, и ели. Таким способом мы спасались от дизентерии...»

В первый же год в Нарымском крае умерло 25,2 тыс. спецпереселенцев.

Родителей Татьяны Кузьминичны неодолимо тянуло в родные края, тем более что от Новосибирской области, откуда они были родом, их отделяло только Васюганское болото. И мать, Анастасия Степановна, вместе с молодой тетей Поруньей, решились на побег. Анастасии Степановне очень хотелось повидать своих родителей, которые остались на родине, а у тети Поруньи на родине остался жених, за которого она надеялась выйти замуж и навсегда с ним остаться. Она действительно вышла за него замуж, но её счастье продлилось лишь 10 дней – местный комендант, узнав об их возвращении, отправил их назад, в Майск.

После возвращения матери жизнь Татьяны Кузьминичны стала намного веселее – очень уж тосковала она без мамы, плакала каждый день. С возвращением мамы она успокоилась, и когда очередную попытку совершить побег предпринял её отец, она уже не так волновалась, ведь главное – мама была рядом. Только после того, как и отца на этот раз возвратили, родители Татьяны Кузьминичны успокоились и больше не пытались сбежать на родину.

Из воспоминаний Татьяны Кузьминичны Дружининой.

«...Я была тогда ещё очень мала, работать меня ещё не ставляли. Я бегала и смотрела, как работают взрослые, и всё время просила у бабушки поесть хоть кусочек хлеба. «Вот наступит время обеда, и получишь свою пайку», – говорила бабушка. «Баба, дай сейчас, я в обед не буду просить». Но наступало время обеда, и я опять просила. Потом просить было бесполезно, бабушка была, как скала. Взрослые сами всегда были голодные. Корчевка и строительство требовали много сил. Люди не выдерживали голода и тяжёлого труда. У многих женщин умирали мужья, они оставались одни с детьми, но ненадолго, вскоре и они умирали. Умирали целыми семьями.»

Был у нас комендант по фамилии Сухих. Щеголь. Разъезжал на лошади в гимнастерке, галифе и с длинным кнутом в руке. Люди валялись возле балаганов больные, опухшие. Он бил их кнутом и кричал: «Симулянты! Лодыри! Вы не хотите работать! Вы враги советской власти!». Я все это видела и слышала. Однажды я играла с одной девочкой, мы увидели возле одного из балаганов человека, опухшего, как бревно. Это был молодой мужчина, он лежал без движения и тихо стонал. Мы взяли прутья и тихонько ударили его. Он застонал и прошептал: «Не бейте меня». Девочка говорит: «Наверное, он симулянт.»

Систематическое недоедание отразилось и на мне. Вскоре я сильно заболела. Сначала болели зубы так, что я всё время кричала от боли, потом опухла, как тот парень, и уже не чувствовала никакой боли...

Вернувшись с работы, родители увидели, что я лежу больная. Они очень испугались, что потеряют ещё одного ребенка. Отец наварил где-то колбы (дикий лук), я начала есть его и вскоре пошла на поправку. Правда, зубы после болезни стали выпадать. Умирали не только люди, от тяжелой работы стали умирать и лошади. Отца попросили обдирать лошадей, он согласился. Мясо закатывали в ямы, но отец тайне отрезал себе мягкие места. За счет этого мы выжили.

К осени к нам вернулся дедушка, его выпустили из тюрьмы. Узнав о смерти внука, он сильно плакал. Потом стал упрекать отца, что тихо строит, до сих пор крышу не доделал, как надо, столько леса, только строй. Отец тоже разозлился, стал кричать, что толку строить, может, скоро опять куда-нибудь сошлют. Но деду долго строить не пришлось, вскоре он умер от горя, недоедания и тяжелой работы.

В это время отец приютил ещё двух женщин, они были очень больны и всё время лежали на нарах, которые отец сколотил специально для них. Нары были сколочены высоко от пола, во-первых, для защиты от змей, а, во-вторых, наверху было теплее. Женщины день и ночь стонали от боли, вероятно, они надорвались на корчевке. Отец сказал, что им негде жить, поэтому пока пусть живут у нас, а там видно будет. Но женщины вскоре умерли, одна за другой.

Зимой нас заставляли делать большие корзины. Не знаю, для чего. Для корзин драли дранку прямо в избе. Разогревали прутья, чурки на дранку, весь пол в доме был ею завален, на ночь всё убирали, так как спали на полу...»

Жизнь шла своим чередом, деревня расстраивалась и вскоре уже протянулась вдоль реки на два километра. Построили школу, больницу, клуб, дом для коменданта. Татьяна Кузьминична начала ходить в школу, работать на прополке полей, которых к тому времени раскорчевали довольно много. Дети пололи траву, а над ними стоял комендант, который сразу же делал выговор, если траву вырывали плохо, оставляли корни в земле. Вскоре произошло пополнение в семье Татьяны Кузьминичны – родился маленький братик Николай. Когда Татьяне исполнилось 12 лет, её отправили работать на

пихтовый завод, до которого надо было пройти пешком 45 км. На заводе подростки собирали в специальные сетки пихтовую лапку. Норма была 180 кг в день.

Когда Таня подросла, её отправили сплавать лес по реке. Там работать было еще тяжелее.

Из воспоминаний Татьяны Кузьминичны Дружининой.

«...Нас было три пары вальщиков – четыре девушки и два парня. Но мы столько навалили леса, что потом зимой, когда пришла пора его вывозить, шофера, которые лес вывозили, ругали нас: «Зачем столько навалили?» Дело в том, что зимой лес примерзал к земле, его засыпало снегом, и вытащить его из-под снега было очень трудно. Но мастер наш был неопытный, не подумал летом об этом, а мы люди подневольные, нам сказали делать – мы делаем. Работать было очень тяжело. Денег нам никаких не давали, продуктов тоже. Мы были очень худые, изможденные, лица обветренные. Как я узнала позже, нам для работы полагалась спецодежда, но никакой спецодежды мы не видели. Осенью начались заморозки, но мы продолжали работать босые. Вскоре на реке появился первый лёд, но мы по-прежнему работали босиком. Потом нам выдали шерстяные носки, и мы стали надевать их на ночь, чтобы хотя бы ночью согреть промерзшие ноги...»

История «кулацкой ссылки» заканчивается после Великой Отечественной войны. Спецпереселенцы добились больших успехов в сельском хозяйстве, активно участвовали в хозяйственно-политических мероприятиях. На фронтах Отечественной войны (их призывали с 1942 г.) отличились многие спецпереселенцы, 2 700 чел. награждены орденами, из них 5 Героев Советского Союза. В Томской области последние кулаки, которые оставались на поселении, были освобождены постановлением Совета Министров СССР от 13 августа 1954 г. Даже освобождение проходило совершенно секретно, без права проживания в крупных городах и режимных районах СССР.

А. Мороз

РАЗОРВАННЫЕ ЗВЕНЬЯ ОДНОЙ ЦЕПИ...

Моя работа над проектом – не дань моде и не просто желание участвовать в конференции. Идея восстановить семейную родословную возникла у меня четыре года назад. Именно тогда я начала расспрашивать свою маму о судьбах родных, узнала, что моя бабушка переехала в Каргасокский район по распределению Сталинградского педагогического института, а отец дедушки был репрессирован и выслан из Омской области. Эти сведения, как звенья одной цепи, начали складываться в нашу родословную. Все эти четыре года мы с мамой по крупицам собираем и бережно сохраняем найденную информацию.

В этом году в нашей стране проводится много мероприятий, связанных с началом репрессий. «Под раздачу» попали и мои родные. Мой прадед Михайлов Фёдор Петрович был репрессирован и выслан из Большереченского района Омской области в с. Маломуромка Томской области. Вместе с ним на той же барже по воле судьбы плыла в страшную неизвестность Марфа Ильинична Жиганова, позже судьба переклестнет, но до конца не свяжет две эти жизни. Спустя много лет их встреча объединит и сблизит две потерявшихся в нашей стране семьи – семью Михайловых-Мороз и Жигановых-Сапожниковых. В поисках информации о жизненном пути этих двух людей и прошло все лето.

Я полагаю, что собранная мною информация не только поможет восстановить семейную родословную, будет интересна не только для меня и моих родных, но и для сверстников-одноклассников. Она поможет расширить знания об историческом промежутке времени, 30-х гг. прошлого столетия, его страшных событиях.

В семейном архиве я нашла несколько фотографий моего прадедушки Фёдора Петровича Михайлова с сыном Павлом, его жены Соломеи Ивановны, фотографии других его детей. В беседе с мамой я узнала много интересного о прадедушке, его жизни. Из рассказа дедушки, П.Ф. Михайлова, «Житие Варвары Сергеевны»¹ я узнала о трудностях жизни ссыльных людей, о том, что, рискуя своей жиз-

нью, моя прапрабабушка помогала репрессированным, за что комендант грозился «сообщить, куда надо». О жестокостях того же коменданта я прочитала и в письме своего второго дедушки, С.Ф. Сапожникова, тоже родившегося в ссылке. Вот строки из его воспоминаний:

«...Под осень 31 года по донесению односельчан семья Жигановых попала на одну из двух переполненных барж, которые буксировал небольшой колёсник, повезли раскулаченных за Васюганские болота. Среди ссыльных было много женщин, стариков, детей. Ссылные в основном были из Большереченского, Дзержинского (с. Евгашино), Муромцевского, Колосовского районов. От голода, нечеловеческих условий содержания и болезней люди умирали, иногда по несколько человек в день. И когда число умерших достигало 10–12 человек, пароход пришвартовывался к берегу, и их хоронили в наспех вырытых братских могилах.

Примерно через месяц, когда они уже несколько дней плыли вверх по реке Васюган, пароход стал причаливать к крутому берегу. И людей партиями стали сгружать со своим скорбем на совершенно необжитые места. Вскоре очередь дошла и до Жигановых, когда их в числе других высадили на место будущего села Маломуромка.

Никакого, даже временного жилья на этом месте не было. Люди стали рыть землянки, зная, что в них придется и зимовать. У многих не было ни лопаты, ни топора. Таким было ещё трудней. Изможденные от постоянного недоедания и болезней люди продолжали умирать, и к этому явлению вскоре привыкли. Прибывших вместе со ссыльными комендант ненавидел. Казалось, что смерть людей была ему в радость. В них он видел только классового врага. Был случай, когда он в лесу встретил детей с ягодами. Он отобрал у них корзинки, а ягоду выбросил...». Об этом же коменданте пишет в своем рассказе «Житие Варвары Сергеевны» мой дедушка Павел Фёдорович Михайлов.

Варвара Сергеевна была вольной гражданкой, на ее дочери, Соломее Ивановне, женился репрессированный и сосланный Фёдор Петрович Михайлов. Это облегчило жизнь Фёдора, они поселились на хуторе в 60 км от с. Маломуромки, и только после скоростной смерти тестя Ивана вся семья с появившимися один за другим детьми перебрались в Маломуромку. Комендант встретил их недружелюбно, так как Варвара часто помогала бедствующим переселенцам. «...В селе многие её знали. Это она в самый голод помогала, чем могла, спецпереселенцам и спасла многих детей от смерти. И за

¹ Павел Фёдорович Михайлов, сын Фёдора Петровича, писал рассказы, печатавшиеся в районной газете «Северная правда», а после опубликованные в сборнике «Рассказы». (Прим. ред.)

это имела не одно предупреждение от коменданта о том, что он с ней «разберется» за связь с врагами народа. Но осуществить угрозы боялся, зная крутой нрав Ивана. У того, как у кадрового охотника, было разрешение на оружие. Да и в тайге он был хозяин. А потеряться в ней, если что, запросто было даже коменданту. И никакое следствие его бы не нашло. Это он понимал... Его перевели с повышением в район...».

«...Новый комендант, видя популярность хозяйки дома у колхозников (в селе был организован колхоз «Магнитострой»), не препятствовал переселению. Да учёл и то, что с момента переселения «свободная» семья попадала в колхоз со всеми вытекающими последствиями...».

Но вернемся к воспоминаниям С.Ф. Сапожникова: «...Зимой люди стали умирать ещё чаще. Дошло до того, что люди стали «ходить по нужде» прямо у входа в землянки, не стесняясь, мужчина это или женщина, так как у многих даже не было тёплой одежды. Жили, как говорится, одним днем.

Умерших хоронили, как попало и в чем попало. Часто разрывали ещё не успевшие промерзнуть могилы, чтобы не копать новые, и подхоранивали в них свежие трупы. Жизнь у ссыльных начала налаживаться только после того, как сменили коменданта. Жизнь среди ссыльных стала меняться в лучшую сторону. Понемногу у них стало проявляться стремление выжить. С наступлением тепла стали строить жильё, в котором уже и холод не страшен. Люди постепенно стали выходить из своих «нор». Выяснилось, что они не только должны прокормить себя и свои семьи, но и большую часть того, что можно было взять у природы, переработать и сдать государству.

В лесу был построен примитивный заводик по выработке пихтового масла. Подростки, в том числе и моя мать, которой еще не было и 14 лет, заготавливали пихтовый лапник. Нужно было не только заработать трудодень посредством выполнения дневной нормы по доставке сырья, а ещё и перевыполнить норму. Но такое удавалось не всем. Жили в бараке, за несколько верст от поселения. Домой отпускали редко и не всех сразу, и то в зависимости от отношения к работе.

Полей, пригодных для выращивания зерновых, а также сенокосных угодий здесь практически не было.

...Несмотря на некоторое оживление, народ продолжал жить впроголодь. Люди по-прежнему умирали от голода и холода... Они

работали до изнеможения, а едва сводили концы с концами. Не хватало по-прежнему еды, одежды. Урожаи были некудышные, так как пахали и сеяли по указанию уполномоченных из района, в их сроки, без соблюдения и скидок на местные условия и климат. Точно так же было и с уборкой урожая. За несоблюдение этих сроков сразу можно было угодить в тюрьму, как враг народа...

Дети были или со стариками, или предоставлены сами себе. Ближе к осени, когда начинала поспевать тасжная ягода, женщины успевали после работы набрать по ведру-два ягоды. На зиму заготавливали по 2–3 бочонка брусники и клюквы, которые долго хранились, будучи залитые водой. Это было большим подспорьем к скудной еде, особенно зимой. Когда мама стала взрослой, кем она только ни работала. Зимой наравне с мужиками заготавливала лес, вместе с напарником-подростком сразу на нескольких конных повозках возила на ферму сено, работала за плугом, готовя пашню под будущий урожай. Вместе с другими женщинами сеяла, а затем убирала лён, из которого готовили паклю, работала рыбачкой в рыболовецкой бригаде...».

Вот там-то и свела судьба Фёдора (он был бригадиром в рыболовецкой бригаде) и Марфу. У него к тому времени было уже четверо детей, но чувства оказались сильнее разума, и через некоторое время и Марфа порадовала Федора дочерью и сыном. Но уйти от одной жены и детей к другой, тоже любимой, не случилось. Через некоторое время, в середине 1950-х годов, Марфа с детьми возвращается в Омскую область, и связь с Фёдором обрывается на долгие годы.

Лишь в середине 2005 г. удалось наладить контакт с родными. Благодаря стараниям Сергея Федоровича¹ удалось узнать, что наш прапрадед Михайлов Пётр Васильевич (1883/1885 г. р.) был арестован 14 февраля 1930 года и осуждён по статье 58, пункт 10 УК РСФСР на пять лет лишения свободы, направлен в СибЛАГ. Позднее работал ямщиком на почте в колхозе «Гудок». 26 мая 1938 г. арестован повторно по той же статье, приговорен к высшей мере наказания. 26 июля 1938 г. расстрелян в г. Омске. Реабилитирован 29 июня 1989 г. прокуратурой Омской области. Вместе с ним был арестован, осужден и расстрелян его младший брат Иван Васильевич.

¹ Очевидно, речь идет о С.Ф. Сапожникове, воспоминания которого приводились выше. (Прим. ред.)

Работая над проектом, я столкнулась с некоторыми трудностями: в семейном архиве оказалось мало фотографий с изображением прадедушки, качество их было плохим, даты на фотографиях отсутствовали, поэтому срок их изготовления установлен приблизительно. В Каргасокском районном архиве сохранились сведения о проживавших в с. Маломуромка только с 1940 г. В метрических записях васюганской Крестовоздвиженской церкви отсутствует много страниц, некоторые записи велись небрежно, за многие годы чернила выцвели, и найти данные о семье Михайловых не удалось. Обращение в Каргасокский районный ЗАГС тоже не принесло успеха. Данных о регистрации брака Михайлова Фёдора Петровича и Макаровой Соломеи Ивановны не оказалось. Обращение в Большереченский районный архив тоже оказалось безрезультатным. Данных о репрессированных Михайловых в архиве не обнаружено. Ответ на запрос в Омский государственный архив получен, но данных о составе семьи в нем не было. Ответы на запросы в информационный центр УВД Омской области, в Управление ФСБ по Омской области пока не получены.

Что стало с семьей прапрадедушки, сколько было человек в этой семье? Пока об этом ничего не известно. На эти вопросы предстоит ответить мне – одному из звеньев в этой цепи человеческих судеб, и надо приложить немало сил, чтобы восстановить её. Моя работа в архивах, ожидание ответов на запросы ещё больше утвердили мою решимость узнать о судьбах моих родных, живших в прошлом веке, несмотря на трудности того времени – войны, репрессии, голод, разруха – выживших и подаривших нам жизнь.

Я. Юсова

Я НА ЗЕМЛЕ ОСТАВЛЮ СЛЕД

Нет ничего тайного,
что не сделалось бы явным,
и ничего не бывает потаенного,
что не вышло бы наружу.

От Марка 4:22

До прошлого года фамилия Ольгович-Жданенко мне была неизвестна. Впервые она встретилась мне при подготовке к вечеру встречи выпускников нашей школы на 80-летний юбилей. Первые выпускники школы, 1938 г., очень тепло отзывались об этом человеке в своих письмах-воспоминаниях. Позднее в книге «Прощение и память» я прочитала статью Светланы Игоревны Ольгович «На nive просвещения...», как позднее выяснилось, его дочери об отце, который был репрессирован в 1937 г. И когда на мартовской конференции прозвучало приглашение принять участие в сентябрьской Всероссийской научно-практической конференции «Томский Север: земля каргасокская – боль и гордость России», у меня появилось желание больше узнать об Игоре Владимировиче Ольгович-Жданенко и о том времени.

Я из поколения 1990-х годов, мне и моим сверстникам незнакомо чувство страха за свою жизнь и жизнь своих близких. Я не представляю, как можно расстрелять человека по ложному обвинению, но я понимаю, что это история нашей страны, нашего края. И какой бы она ни была трагической, я считаю, что необходимо знать истинную историю, чтобы в будущем не повторились эти страшные события.

Репрессии – вера в коммунизм, страх – надежда, ложь – любовь – все эти слова можно отнести к жизни человека, о котором я хочу рассказать. Это время 1930-х гг., когда у власти одним из главных слов было – *план*: план на уборку урожая, план на заготовку леса, план на арест, план на расстрел. Неважно, какой ты был национальности, социального положения, образования, вероисповедания и возраста. Безжалостные «жернова системы» перемалывали свой народ. Сейчас много говорится об этой проблеме, попробую и я.

Биография. Из разных источников я узнала, что Игорь Владимирович Ольгович-Жданенко родился в 1908 г. в Западной Украине, в городе Станислав (с 1962 г. – Ивано-Франковск). В 1926 г. он

перешел границу Восточной Германии и СССР со своими друзьями Фёдором Дмитриевичем Кузьмичом, Денисом Казаком. Тогда им было по 20 лет. До этого периода жизни никакой информации об Игоре Владимировиче я не обнаружила. После перехода границы друзья пошли в советское консульство, где признались, что хотят помочь советам строить социализм. Их отправили в Ленинград. Все трое были арестованы до выяснения обстоятельств. После следствия молодых людей отправили в Нарымский край как «перебежчиков».

И.В. Ольгович-Жданенко

С этого момента жизнь Игора Владимировича была тесно связана с сибирским селом Нарым. Три года он учил грамоте мужчин и женщин в этом селе. После получения гражданства, в 1929 г., смог работать по выбранной профессии, менять место жительства.

Группа учеников и учителей школы в с. Новосельцево Нарымского края.

Игорь Владимирович Ольгович-Жданенко на родине закончил учительскую семинарию, владел несколькими языками, серьёзно

занимался самообразованием. Не удивительно, что его назначили учителем начальной школы, так как в этот период существовали только школы начального образования. Очередная учительская конференция 1931 г. изменила жизнь молодого учителя. Из Томска приехала юная учительница – Муза Михайловна Новикова, окончившая школу с педагогическим уклоном. Ее направили преподавать в дер. Новосельцево.

В своем рассказе Светлана Игоревна вспоминала, что ее мама была удивительно хороша собой, даже прохожие мужчины оборачивались ей вслед. Большие голубые глаза, длинные русые косы, лучезарная улыбка покорили сердце отца. В 1930 г. Игорь Владимирович попросил в районном отделе народного образования перевести его в дер. Нестерово, которая находилась недалеко от деревни, в которую направили Музу Михайловну. Он предложил молодой учительнице устроить соцсоревнования с взаимными посещениями уроков. Со слов Светланы Игоревны, «хозяйка дома, у которой квартировала Муза Михайловна, всегда жалела молодого педагога. Она боялась, что он замерзнет по дороге или на него нападут волки». В апреле 1931 г. они поженились. До 1933 г. они работали в Новосельцевской школе. На протяжении шести лет их совместной жизни он был её главным наставником, обучая тонкостям педагогического мастерства. В 1932 г. у них родилась дочь Светлана.

По словам Светланы Игоревны, в семье были тёплые и нежные отношения, было принято называть друг друга уменьшительно-ласкательно. Относились друг к другу бережно. Остались яркие детские воспоминания о том, как папа носил маму на руках, когда у нее была высокая температура, и обещал, что возьмет в школе лошадку и покатает её. Светлана Игоревна не помнит ни одного случая, чтобы папа говорил с ней недовольным тоном, даже когда она спрыгнула с рамы велосипеда на полном ходу, и они вместе упали, папа не ругался. Он и маму научил этому. Её ученики, с которыми часто приходилось нелегко, всегда вспоминали, как о чуде, что она за годы их учебы ни разу не повысила голос ни на одного ученика.

Игорь Владимирович научил дочь играть в шахматы. Муза Михайловна неплохо рисовала. У Светланы Игоревны бережно хранится портрет отца в профиль, нарисованный рукой мамы. В доме была большая библиотека, в которую входили издания русских и зарубежных классиков, «Большая советская энциклопедия», учебники, книги по эсперанто. После репрессии удалось сохранить немного.

В семье любили слушать классическую музыку, которая в то время регулярно звучала по радио. Маленькая Света мечтала заниматься музыкой, и родители откладывали деньги на приобретение пианино. К сожалению, этому не суждено было осуществиться, так как при аресте отца сберегательная книжка, на которой копилась деньги, была изъята.

Светлана Игоревна бережно хранит чернильницу своего отца

Когда в 1933 г. была открыта первая школа-семилетка в с. Парабель, Игоря Владимировича, как наиболее образованного учителя, назначили заведующим. Он проработал в этой должности 1933/34 учебный год. А в сентябре 1934 г. его перевели в с. Каргасок, так как там открыли школу с десятилетним образованием. Сохранилась книга приказов Каргасокского РайОНО 1934 г., где я нашла приказы о принятии на работу Игоря Владимировича и Музы Михайловны в школу № 1. Назначили Игоря Владимировича заведующим учебной частью. Благодаря постоянному самообразованию он мог преподавать любой школьный предмет и заменял любого учителя-предметника. Не случайно коллеги называли его «ходячая энцикло-

педия». На работе его ценили. Чтобы повысить свою квалификацию, он становится студентом филологического факультета Томского педагогического института. Он не успел сделать первого выпуска в своей, так любимой им Каргасокской средней школе № 1. Через семь месяцев после его гибели из школы вышли десять выпускников, шестеро из которых стали учителями, достойными продолжателями его дела. Один из учеников Игоря Владимировича назвал его «человеком из коммунистического будущего». В архиве музея Каргасокской школы № 1 хранится письмо выпускника 1939 г. Н.Е. Пахряева, в котором он с теплотой и уважением вспоминает о своём учителе.

1934 год. Во втором ряду в центре – М.М. Ольгович и И.В. Ольгович

Арест. 18 августа 1937 г. семья возвращалась из Томска в Каргасок. Светлана Игоревна вспоминает: «На пароме к отцу подошел учитель и предупредил, что возвращаться в Каргасок опасно, так как он считается перебежчиком. Он знал, но не придавал этому значения. Когда мы шли с пристани домой, один из учителей указал на отца. В толпе мы затерялись и домой вернулись без отца. Когда в квартире производился обыск, было найдено и конфисковано ружьё, которым премировали отца за хорошую работу, хотя он никогда не был охотником. Я с сестрой мамы, Вероникой, были на прогулке, когда всё это происходило. Вечером мы с мамой были одни. К нам пришли ученицы-старшеклассницы. Все девочки плакали навзрыд. Моя мама успокаивала их, говоря, что всё будет хорошо, и он вернётся, но де-

вочки догадывались, что он не вернётся. Они очень рисковали, так как они все были спецпереселенцы.

После увольнения мамы с работы как жены врага народа и выселения из квартиры никто из их коллег не пришёл оказать нам поддержку. Каждый в то время опасался за свою жизнь. Помогла лишь одна семья, жившая по соседству. В течение нескольких дней мы должны были покинуть Каргасок. Чтобы уехать, пришлось продать телёнка. Наша дорога лежала в Томск. Там меня мама оставила с бабушкой, потому что опасалась, что отправят в детский дом, как социально опасного ребенка «изменника родины».

Вместе со знакомой женщиной, у которой также был арестован муж, мама поехала в Колпашево на свидание с отцом. Их встреча проходила в присутствии следователя всего пять минут. Первое, что хотел узнать отец, где нахожусь я. Мама повторяла ему, что мы будем всегда в городе Томске и будем ждать его. Денег на обратную дорогу хватило лишь на билет 4-го класса на пароходе, место находилось в трюме. Судьба подарила ещё одну встречу моим родителям. Как оказалось, на пароход привезли заключённых из Колпашевской пересыльной тюрьмы для этапирования в Томск. Мама увидела его, когда конвойный проводил отца по коридору. Нельзя было подавать вида, что они знакомы. Родителям потребовалась огромная выдержка, чтобы не выдать себя. В Томске тогда было две тюрьмы: на Каштаке и на проспекте Ленина – следственная тюрьма НКВД. Арестованных перевозили только ночью, и мы с мамой ходили в эти холодные осенние ночи в надежде, что отец сможет увидеть меня. Но эта встреча так и не состоялась».

Реабилитация. «Долгое время мы с мамой ничего не знали об отце, мы ждали его и после Отечественной войны. В 1958-м году, в разгар «хрущёвской оттепели», мама пошла в «органы», чтобы узнать о судьбе своего мужа. С нею поговорили, но не показали никаких документов. После запроса в Москву мы получили ответ, что И.В. Ольгович-Жданенко умер в 1944 году от воспаления лёгких. Мы тогда не знали, что подобные документы фальсифицировали. Только в начале 1990-х годов, когда был принят закон «О реабилитации жертв политических репрессий», я узнала правду: отца приговорили к расстрелу 18 октября 1937 года. По делу проходило 11 человек. Большинство арестованных обвинялись по статье 58 как участники националистической контрреволюционно-диверсионной повстанческой организации под названием «Польская организа-

ция войсковая». Все дела были липовые, сфабрикованные работниками НКВД. Подобные организации были «обезврежены» во многих районах как Западно-Сибирского края, так и Белоруссии. У всех арестованных при обыске было найдено оружие. От каждого требовали признаться в совершении какого-нибудь вредительства или диверсии. Тем, кто пограмотнее, «пришивалась» контрреволюционная пропаганда, подрыв авторитета советской власти и колхозного строя, руководство террором. Арестованные в августе 1937 года были расстреляны 5 ноября 1937 года». Игорь Владимирович Ольгович-Жданенко реабилитирован в мае 1958 г.

Камень скорби

Во время нашей встречи со Светланой Игоревной она рассказала, что видела дело своего отца в УФСБ в городе Томске. В настоящее время в подвальном помещении здания по пр. Ленина, 44 находится музей, в котором с 1923 по 1944 год находилась внутренняя тюрьма Томского городского отдела ОГПУ–НКВД. Территория, прилегающая к зданию, служила внутренним двором тюрьмы. В настоящее время здесь расположен Сквер Памяти, в котором в 1992–2004 гг. установлены памятники жертвам политических репрессий на земле томской.

Заключение. Работая над проектом, изучая литературу и исторические источники по теме массовых репрессий, удалось дополнить и соединить разрозненные сведения о биографии Игоря Владимировича Ольгович-Жданенко и его семьи. Так как Игорь Владимирович и Муза Михайловна преподавали в нашей школе, то мой материал пополнит архив школьного краеведческого музея. К списку учительских династий нашей школы добавилась ещё одна династия – Оль-

гович-Жданенко. Муза Михайловна в 1958 г. получила звание «Заслуженный учитель». Она преподавала в школе № 1 и в 43-й томской мужской гимназии. Светлана Игоревна более сорока лет преподавала в ТГУ и двенадцать лет – в ТПИ. В 1999 г. Светлана Игоревна вышла на пенсию. Но, видимо, преподаватель и филолог – это двойное призвание, или точнее – судьба. Из печати вышли три части словаря «Этимология и орфография». С 2000 г. каждый первый и третий понедельник месяца в 18.30 на томском радио можно было услышать голос С.И. Ольгович в программе «Беседы о русском языке». Мне хочется верить, что мой проект – маленькая частичка восстановленной памяти большого проекта «Прощение и память» на каргасокской земле.

Источники и литература

- Бондаренко А.А., Марков В.И., Тренин Б.П. Из истории земли Томской. Год 1937. Сборник документов и материалов. Томск, 1998.
- Зарубина В.М. Реки печали. По материалам проекта «Прощение и память». Томск, 2009.
- Здоровов Ю., Осипова И., Анисанова Л. 1937-й. Статьи и документы. М., 2007.
- Документы из архивов РОНО, краеведческого музея Каргасокской СОШ № 1.
- Книга приказов Каргасокского РайОНО за 1934 г.
- Книга приказов Каргасокского РайОНО за 1936 г.
- Кузнецов И.Н. Репрессии 30–40-х гг. в Томском крае. Томск, 1999.
- Прощение и память (гуманитарная экспедиция). Томск, 2008.
- Уйманов В.Н. Боль людская: Книга памяти томичей, репрессированных в 30–40-е и начале 50-х годов. Т. 3–5. Томск, 1992, —, 1999.
- Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было... (Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов). Томск, 1995.
- Фотографии из личного архива Светланы Игоревны Ольгович.

Интернет-ресурсы

- Военно-исторический сайт. – URL: <http://nkvd-pkka.narod.ru/BIBLIOTEKA.htm> (Дата обращения 15.08.2011)
- Центр «Возвращенные имена». – URL: <http://visz.nlr.ru/links.html> (Дата обращения 11.08.2011)
- Ханевич Василий Антонович. – URL: http://kekmir.ru/members/person_505.html (дата обращения 23.09.2011)
- Книги памяти жертв политических репрессий. – URL: <http://visz.nlr.ru/project/books/uk2003/8.html> (Дата обращения 11.08.2011)

О.Г. Кербер

ЗИГЗАГИ СУДЕБ

В Каргасокском районе проживает более 17 национальностей. На сегодня в нашем районе можно выделить три основные этнические группы. Доминирует русское население (211 627 чел.), большие группы населения составляют российские немцы (более 700 человек) и украинцы (более 500 человек). В годы сталинских репрессий ссылка в наши края достигла невиданного размаха. За счёт переселенцев население выросло, изменился его этнический состав. К нам ссылали жителей не только России, но и Украины, Белоруссии, Молдавии, Кавказа, Прибалтики. Особенно много было сосланных из Поволжья немцев. Переселение в наши места немцев – одна из трагических страниц истории нашего края.

Этнические немцы живут в России еще со времен Екатерины II. Немецкие поселения были на юге России, на Урале, в Белоруссии, особенно много в Поволжье, где в середине 1920-х гг. была создана немецкая автономия. В 1941 г. она была ликвидирована, а жители выселены в отдаленные районы Сибири и Казахстана: власти боялись, что этнические немцы станут сотрудничать с гитлеровцами. После войны в наши края стали ссылать и жителей немецкой национальности с оккупированных территорий. Всего в Томскую область в 1940–1950-е гг. было сослано свыше 23000 немцев.

Потянулась поездами
 Та беда, как Волги ширь.
 Застолбили мы крестами
 Путь наш горестный в Сибирь...
 Потянулись эшелоны
 В край далёкий, не родной.
 Наши песни стали стоном,
 А жизнь – мукой и тоской.
 Как мечтали мы подолгу:
 Время светлое придёт,
 И опять увидит Волгу
 Мой измученный народ.

Великая Отечественная война стала тяжелым испытанием для всех народов СССР. Она стала двойной трагедией для народов, которых сталинский режим подверг необоснованным репрессиям

и депортации. К таким народам относятся российские немцы, первыми испытавшие на себе ужасы ложных обвинений и репрессий и оказавшиеся практически единственным из репрессированных народом, который за 70 лет не получил полной реабилитации.

28 августа – скорбная дата в истории российских немцев. Именно в этот день в 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» – документ, фактически санкционировавший начало геноцида российско-немецкого народа. 70 лет не уходят из памяти воспоминания о тех ужасных событиях – насильственной высылке и трудармии. Советская Социалистическая Автономная Республика немцев Поволжья, согласно этому суровому указу, ликвидировалась. И хотя никаких доказательств вины немцев Поволжья не существовало, наказание было вынесено по суровому закону военного времени. Все немцы Поволжья, а с ними и все немцы из европейской части СССР без исключения, а их, согласно переписи 1939 г., в СССР проживало 1 миллион 427 тысяч человек, подлежали депортации.

К началу войны в рядах Красной армии служили 65 тысяч немцев. За первые два месяца войны 11 советских немцев были удостоены звания Героя Советского Союза. Но уже через несколько дней после вторжения войск Германии на территорию СССР поступил приказ о переводе солдат и офицеров немецкой национальности в тыловые части, демобилизации их из рядов Красной армии. Но и после этого пресловутого приказа на фронте оставалось немало советских немцев, ратные подвиги которых были удостоены высших наград. Всего за время войны более 20 из них были удостоены звания Героя Советского Союза. Многие советские немцы, чтобы остаться в действующей армии, меняли свои немецкие фамилии. Так, Петер Левен стал Левиным и с боями дошел до Берлина, Артур Бойгель стал Бойченко и т.д. Несмотря на это, из армии в так называемые трудовые лагеря были демобилизованы и депортированы 33 615 немцев. Однако тысячи советских немцев оставались в рядах Красной армии и мужественно защищали свою Родину.

«Народ не бывает плохим», – так в своё время сказал писатель Симонов. Репрессированные народы не озлобились в ссылке и в лагерях. Они помогали фронту, собирали деньги на постройку танков и самолетов, тайно убегали на фронт под чужой фамилией и получали орден как «Волковы», «Петровы» и «Ивановы».

Трудармия – самая чёрная, самая трагичная полоса в истории российских немцев. Мужчины в возрасте от 15 до 55 лет и женщины с 16 и до 45 лет отправлялись в концентрационные лагеря НКВД, на лесоповалы, на шахты, на строительство железных дорог и оборонных заводов. За колючей проволокой и под конвоем, не совершавшие преступления, но объявленные преступниками, они работали все годы войны и многие годы после её окончания, десятки тысяч из них умерли от голода и непосильного труда. Старики и дети выселялись в Сибирь и на Крайний Север для выживания в нечеловеческих условиях: часто без еды, без тёплой одежды, в холодных нетопленных сараях, бараках, землянках. Сколько «трудармеек» погибло с мыслью о своих детях и сколько осталось немецких детей-сирот? Из уст в уста будет передаваться эта трагедия нашего народа. И даже после окончания Второй мировой войны мало что изменилось в положении репрессированного народа.

Оставшиеся в живых освобождались из лагерей только 1947–1948 гг., однако это никак нельзя было назвать настоящей свободой. Все российские немцы должны были проживать в районах высылки, на спецпоселении, под наблюдением спецкомендатур, без права возвращения в свои дома на вечные времена. За попытку ослушаться, согласно правительственному постановлению, предусматривалась уголовная ответственность, вплоть до 20 лет каторжных работ. Все советские немцы, начиная с 16-летнего возраста, давали подписку в органах НКВД соблюдать это постановление. Получается, что с российскими немцами по-прежнему обращались, как с преступниками. Только в 1955 г. «наказанным» народам вернули паспорта, разрешили свободно передвигаться по стране.

В ходе переговоров в 1957–1958 гг. была достигнута договоренность о переселении из СССР в ФРГ некоторых категорий немцев в рамках «воссоединения семей». Но, несмотря на соглашения, во времена Хрущёва выезд за границу оставался закрытым. За 1950–1970-е гг. выехать удалось немногим. Особенно сложно было выехать из Томской области, поскольку Томск являлся закрытым городом. После выхода в 1972 г. Указа «О снятии ограничений в выборе места жительства» появилась некоторая свобода передвижений, но она не предавалась огласке. Несмотря на Советско-Западногерманский договор 1970 г. и международную разрядку, выезд из СССР в 1970-е гг. по-прежнему оставался невозможным. Граждане,

переписывающиеся с родственниками и знакомыми за границей, находились под контролем КГБ.

В Томской области в 1970-е гг. молодое поколение немцев было в большей степени задействовано в общественно-политической системе. Выдвижение передовых рабочих на руководящие должности, награждение и поощрение частично нейтрализовали эмиграционные и автономистские настроения. 1970–1980-е гг. – период интенсивного развития нашего Каргасокского района. Успешно развивается традиционная для нас лесная отрасль. В Каргасокском районе работает один из крупнейших в стране лесопромышленных комбинатов, а также развиваются нефтяная и газовая отрасли – новые направления в хозяйстве района. В нашем районе было открыто более 30 месторождений нефти и газа. Началась их активная разработка. Наш край стал одним из перспективных регионов в стране. Стремительно развивающиеся отрасли хозяйства требовали много рабочих рук. В эти годы к нам приезжали специалисты и просто рабочие со всех концов многонационального Советского Союза. Кто-то ехал за деньгами, ведь нефтяникам и лесникам было положено много благ: высокая зарплата, жильё и различные льготы. Кого-то манила перспектива быстро сделать карьеру, а некоторые ехали из-за романтики: таёжные края, северные пейзажи... Многие успешно устроившись на новом месте, создавали семьи и оставались в нашем районе. На нашей земле веками жили и трудились люди разных национальностей и вероисповеданий. Новосёлы, заселяющие наш край в разные периоды его истории, привносили свои национальные традиции и обычаи. Различные культуры, соединяясь и дополняя друг друга, создали тот неповторимый сплав, тот особенный колорит, который всегда восхищает приезжающих в наши места гостей. Но самое главное, у нас нет межнациональных конфликтов и агрессии к людям другой национальности или вероисповедания. Передаваемые из поколения в поколение традиции мира и взаимоуважения, бережного сохранения национальной самобытности, атмосфера согласия являются бесценным достоянием, основой для дальнейшего развития всего региона.

История государств пишется судьбами народов. В книге судеб российских немцев Сибири есть уникальные страницы отважного служения Российскому государству. Золотыми буквами вписаны в летопись освоения и изучения Сибири исследовательские подвиги и научные труды учёных: этнографа и зоолога Даниила Готлиба

Мессершмидта, историка Герарда Миллера, основателя Омска Ивана Бухгольца. Далеко за пределами Томска известны имена первого ректора Императорского Томского университета Николая Гезехуса, а также лингвиста Андрея Дульзона, химика Фридриха Крюгера и многих, многих других. Так что российским немцам есть чем гордиться – среди них известные учёные, исследователи, предприниматели, промышленники, медики и политики.

В летописи освоения и развития Каргасокского района также есть свои страницы, наполненные разными событиями, датами и именами. Александр Александрович Филиппи – начальник Киевского лесоучастка, Павел Карлович Грель – начальник Усть-ямы (заготовка леса), Иван Карлович Шеффер – мастер по сырьевым базам, Карл Карлович Шеффер – бригадир в моторно-рыбной станции, затем заместитель по хозяйственной части лесопромышленного комбината, Александр Шредер – главный бухгалтер в лесхозе, Герман Густавович Кербер – бригадир по заготовке древесины в лесоучастке Новоюгино, Иван Иванович Бауэр – бухгалтер, ревизор, Иван Иванович Терре – рабочий Васюганского сплава участка, внесший много рационализаторских предложений по погрузке леса, супруги Лидия Федоровна Брендель и Иванович Адам – рабочие Васюганского сплава участка, Роберт Петрович Шнайдер – мастер на верхнем складе пос. Староюгино, Виктор Кондратьевич Штарков – мастер Нюрольского лесоучастка, Иван Карлович Нейман – отличный токарь в пос. Новоюгино, Яков Иосифович Класс – учитель немецкого языка в Среднем Васюгане, Андрей Иосифович Класс – заведующий базой в Калгане, Петр Яковлевич Ранн – в разных точках, с верховья Васюгана до Усть-чижапки, на руководящих должностях от бригадира-полевода до заведующего базой, Мария Андреевна Мастель – продавец в пос. Мыльджино, (Штрейбрейхер) Мария Андреевна Турий – заслуженный учитель математики и её сестра Амалия Андреевна Турий – учитель немецкого языка, Васильевич Деттерер Аврелий – выпускник школы № 1, один из первых её золотых медалистов, профессор Томского педагогического университета, Георгий Анатольевич Шеффер – директор лесопромышленного комбината и многие др. Все они были на хорошем счету, неоднократно отмечены наградами, почетными грамотами. Говорили, где немец работает, там всегда дисциплина.

Репрессирован... Реабилитирован... Какая человеческая трагедия стоит между этими словами! Человеческая трагедия длиною

в жизнь. Сегодня настало время покаяния. 28 августа – это день, ставший для российско-немецкого народа днем памяти и скорби и навсегда оставшийся в наших сердцах. И сегодня, оглядываясь в прошлое, мы обязаны думать о будущем, сделать всё, чтобы память о погибших осталась в наших сердцах, в сердцах наших детей и внуков. Сегодня более 20 миллионов человек называют Сибирь своей малой Родиной. Все они – и коренные жители края, и переселенцы и их потомки – вместе создают будущее своей земли. И гордо говорят о себе: мы – сибиряки.

К. Афанасьева

ЕГО ПРИЗВАНИЕ – НАУКА: ПИННЕКЕР ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ

Сначала определённой темы проекта у меня не было, только желание его сделать. На стенде «Ими гордится школа» меня заинтересовала необычная фамилия – Е.В. Пиннекер. Там было написано, что

он является заместителем директора одного из академических институтов в Иркутске. Я решила узнать об этом человеке подробнее и обратилась к своему учителю истории с надеждой, что он знает что-нибудь об этом человеке. Алексей Анатольевич рассказал мне, что это – выдающийся учёный, основатель научной школы и показал книгу «Рассолы Ангаро-Ленского артезианского бассейна», хранящуюся в нашем школьном музее с автографом Евгения Викторовича Пиннекера. Начав изучать биографию Евгения Викторовича, я была поражена судьбой этого учено-

го. У меня возник закономерный вопрос: «А знают ли что-нибудь об этом человеке ученики первой школы?». В ходе проведенного опроса оказалось, что они ничего не знают о выдающемся учёном, фамилия которого написана на стенде гордости школы. Я решила, что важно рассказать им об Е.В. Пиннекере.

Столкнувшись с отсутствием подробных сведений об Е.В. Пиннекере в школе, я стала искать нужную мне информацию в Интернете, используя поисковые системы Yandex, Google, Rambler, и нашла хороший сайт, где о родословной его семьи рассказывается с 1763 г.¹ Много оказалось сайтов с незначительными данными о Евгении

¹ <http://wolgadeutsche.ru/history/Pinnecker.htm>

Викторовиче. Набрав фамилию «Пиннекер» в социальной сети (Vkontakte), обнаружила 22 человека с такой фамилией. Я всем написала письма с просьбой помочь в поисках родственников и нашла племянника Евгения Викторовича – Дмитрия Пиннекера, с которым сейчас налаживаю отношения.

Евгений Викторович Пиннекер родился 22 июня 1926 г. в с. Куккус Автономной Республики Немцев Поволжья, ныне село Приволжское Саратовской области, в семье поволжских немцев. До четырех лет Евгений разговаривал только на немецком языке. Когда ему исполнилось 4 года, умерла мать. Отец с двумя малолетними детьми переехал в Саратов к своим родителям. Здесь, в городе, мальчики научились говорить по-русски. Воспитанием детей занималась бабушка, Эмилия Георгиевна Пиннекер. Евгений Викторович всегда с большой теплотой вспоминал её¹. Учился Женя в школе всегда на «отлично». Будучи школьником, он мечтал стать журналистом, был даже корреспондентом детской областной газеты «Сталинские ребята». С детства Евгений отличался непоседливым и любознательным характером. Как вспоминает его брат Альберт, «он регулярно по утрам занимался гимнастикой, занимался спортом и хорошо плавал. Евгений увлекался коллекционированием почтовых марок, фотографией и туризмом. Уже с шестого класса Евгений ежедневно вел дневник; делал он такие записи и в дальнейшем». Евгений окончил семилетнюю школу в Саратове с отличием².

В день, когда Жене исполнилось 15 лет, началась Великая Отечественная война. В его жизни наступила полоса тяжелых испытаний. 28 августа 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», а проще говоря – о депортации всего немецкого населения СССР в Сибирь, Казахстан и районы Крайнего Севера. В указе поволжские немцы необоснованно обвинялись в массовом предательстве, в активной поддержке германских войск. Это было начало трагедии. И хотя, как известно, все эти злые измышления позднее были полностью опровергнуты, трагический ход истории для российских немцев не был остановлен. Евгений по-взрослому понимал трагедию происходящего. В сентябрьские дни 1941-го Женя написал:

Прощай, прощай, моя Отчизна,
Прощай, о Родина моя!
Мы шли дорогой к коммунизму,
А вышли – черт знает куда...

Выселение семьи Пиннекер, по выражению Евгения Викторовича, происходило в «щадящем режиме». На сборы было дано 8 дней, в то время как были деревни, где просто подгоняли грузовики и всех вывозили в одночасье, не давая времени на сборы. Ехали в Сибирь через Среднюю Азию, стояла сильная жара. В нечеловеческих условиях ехали 13 дней, пока не прибыли на станцию Чебула Ояшинского (ныне Мошковского) района Новосибирской области. Женин отец Виктор Эммануилович поехал в районный центр, в село Ояш, и получил направление на работу учителем для себя и тети Лины в деревне Смирновка, которая находилась в 30 км от с. Ояш. В Смирновке дали жилье, как учителям. Школа в этой деревне была семилетняя, поэтому Женя учился в 8-м классе заочно. Весной 1942 г. он пешком добрался до с. Ояш и сдал экзамены за 8-й класс. Этой же весной Виктор Эммануилович был мобилизован в трудовую армию. Сначала он работал на строительстве Волжской рокады под Ульяновском, а потом его перевели в Копейск на угольные шахты. Летом 1943-го Женин отец умер «от разрыва сердца».

Пытаясь спастись от голода, посадили картошку. Евгений и Альберт работали в колхозе, надеясь осенью получить на трудодни муку. Однако никаких запасов продовольствия на зиму семье сделать не удалось: остался невыкопанным картофель, и ничего не было получено на трудодни, так как осенью 1942 г. их снова переселили. На этот раз отправили за 500 км на север по Оби, в Нарымский округ. Спецпоселенцы должны были заменить рыбаков, уходивших на фронт. Людей погрузили на баржи. Плыли долго, потом всех высадили на голый берег, откуда 25 км нужно было ещё плыть по реке на лодке. Евгений вспоминал: «...а у нас гребцов я и брат. Да и он не мог грести, слабый был. Добрались как-то. Местом поселения определили село Киндал. Сначала жили в клубе, в гримерной за сценой, потом семье выделили две комнатки в старом холодном доме. Третью комнату в доме занимала другая немецкая семья. Евгения зачислили в рыболовецкую бригаду. Не имея спецодежды, он сильно простудился и заболел малярией (лихорадкой). Материальное положение семьи в этот момент было очень тяжёлым: Евгений заболел, тетя Лина была без работы. Перебивались, как могли. Меняли оставшиеся вещи.

¹ <http://wolgadeutsche.ru/history/Pinnecker.htm>

² Там же.

Собирали в тайге грибы, ягоды, черемшу, драли кору с деревьев и сдавали в сельпо, покупая на вырученные деньги немного муки. Перекапывали с разрешения хозяев чужие картофельные огороды¹.

Летом 1942-го Жене исполнилось 16 лет, и его должны были забрать в трудармию. Глубокой осенью в Киндал приехала комиссия, но Евгения, истощенного и больного, забраковали. Этой же осенью 1942 г. Женя отправился на лодке по Оби в районный центр, с. Каргасок, и поступил в 9-й класс в середине учебного года. В Каргаске Женя жил на квартире. Как ученик он получал 400 г хлеба, но приходилось все время подрабатывать, в основном он ходил по дворам и пилил дрова. 25 декабря умер Женин дедушка, Эммануил Андреевич. Умер он от голода. Могилу деду копал Альберт, которому как раз в этот день исполнилось 14 лет. О смерти деда Женя узнал только 31-го декабря, когда пришёл на зимние каникулы в Киндал, проделав путь в 30 км по льду реки в сорокаградусный мороз. Из воспоминаний Е.В. Пиннекера: «Помню, пришёл я пешком в Киндал 31 декабря, обморозился сильно. Пришёл и узнал. Тогда из Киндала только письмо можно было отправить, но оно дошло бы за месяц, а телеграмму нельзя было дать. И похоронили его без меня. До сих пор трудно без слёз вспоминать, как он сидел на своих нарах, уже опухший от голода и чистил картошку в «мундире»... Морально не был сломлен, а умер именно от голода. И таких, как он, уйма была»².

Летние каникулы 1943 г. Женя провёл в Киндале. Он нанялся пасти коров за молоко и ведро картофеля с одной коровы за сезон. Осенью 1943 г. семья решила перебраться в Каргасок. В путь отправились на лодке. Главная поклажа – 25 ведер заработанного Евгением картофеля. Гребцами были Евгений с Альбертом, а тетя Лина управляла рулем. При впадении реки Васюган в Обь их подстерегала опасность – сильное течение, но все же добрались благополучно. Тетя Лина, имея высшее образование, устроилась уборщицей в школе. Альберт помогал тете во время уборки в школе – переворачивал парты для мытья полов в классах. Евгений в это время учился в 10-м классе. Несмотря на болезнь (дистрофию), Жене все время приходилось подрабатывать параллельно с учёбой. Вместе с братом они пилили дрова, в основном у учителей. Работали, конечно, за

продукты. Летом питались лебедой и крапивой. Несмотря на все бытовые трудности и невзгоды, Женя окончил 10-й класс с отличием¹.

После окончания 10-го класса Евгений решил пойти по стопам родителей. Он поехал в Колпашево, где был двухгодичный учительский институт, но в институте документы у Евгения не приняли. Ректор сказал: «Не вижу смысла, все равно Вы, как спецпоселенец, преподавать не сможете». Тогда Евгений отправил документы в Томск, на заочное отделение политехнического института. И, к удивлению самого Евгения, его приняли! Летом 1945-го года Жене пришел вызов из Томска на экзаменационную сессию. «Я с этим вызовом в комендатуру. Надо сказать, что в 16 лет я как-то сумел получить паспорт, тогда 6-месячные паспорта выдавали. Когда я захотел по своему паспорту поехать в Колпашево, начальник РОВД в Каргаске на моих глазах порвал паспорт: «Он тебе не нужен!» – и бросил под ноги. Ты, вроде, не человек. Но за год я, как электрик, осветил школу. Меня заводили под конвоем в Каргасокскую тюрьму, я и её осветил, поэтому все меня знали, и я многих знал. В частности, этого начальника, который у меня паспорт порвал. Я ему: «Вы у меня паспорт порвали, а мне теперь надо ехать экзамены сдавать». «Ну что ж, спасибо за тюрьму», – говорит он и выписывает мне опять 6-месячный паспорт». Все экзамены, кроме геодезии, Женя сдал на «отлично». На экзамене по геодезии Женю попросили показать, как работает теодолит, но он его никогда не видел. И это была единственная «четвёрка» за всю учёбу в институте².

Зимой 1950 г. Евгений Викторович Пиннекер окончил Томский политехнический институт, сдав все экзамены на «отлично», и был направлен на работу в Геологическое управление г. Новокузнецка Кемеровской области³. В Западно-Сибирском геологическом управлении уже через год-полтора заговорили о Е.В. Пиннекере как о перспективном специалисте. Но Евгения Викторовича не покидали мысли о научной деятельности. Несмотря на то, что во время учёбы в институте Евгений Пиннекер все экзамены сдавал на «отлично», диплом с отличием ему не дали, и путь в аспирантуру сразу после окончания института был для него закрыт. Причиной послужило то, что Е.В. Пиннекер был немцем по национальности.

¹ <http://wolgadeutsche.ru/history/Pinnecker.htm>

² Там же.

¹ <http://wolgadeutsche.ru/history/Pinnecker.htm>

² Там же.

³ Там же.

И все же путь в науку для Е.В. Пиннекера начался: он случайно прочитал в газете объявление о наборе в аспирантуру по специальности «гидрогеология» в Институт геологии ВСФ АН СССР, находившийся в Иркутске. Принять решение о переезде с семьей в другой город, отказавшись от ответственного поста в производственной организации, было не так просто. Но решение было принято. В 1955 г. Е.В. Пиннекер едет в Иркутск и поступает в аспирантуру к известному учёному, основателю иркутской школы гидрогеологов профессору Валентине Георгиевне Ткачук. Лишь много лет спустя Е.В. Пиннекер узнал, что вопрос о его допуске к вступительным экзаменам обсуждался очень долго. Решающим фактором оказалась настойчивость В.Г. Ткачук¹.

Именно в Иркутске Евгений Викторович состоялся как учёный. Он стал членом-корреспондентом РАН, доктором геолого-минералогических наук, профессором, выдающимся учёным с мировым признанием. С его именем неразрывно связаны исследования подземных вод на протяжении 50 лет. Е.В. Пиннекер – признанный лидер и создатель сибирской гидрогеологической школы, которая действует уже более 30 лет. Им сформулированы новые фундаментальные научные проблемы в области формирования рассольных вод, пересмотрены и уточнены понятия о ёмкостных характеристиках горных пород, гидрогеологической стратификации, движении воды, формировании ресурсов. Впервые предложена геохимическая классификация процессов, формирующих состав подземных вод, выявлены гидрогеохимические закономерности древних платформ. Став выдающимся учёным, автором и соавтором более 300 научных публикаций, в том числе 23 монографий, в своей научной биографии Е.В. Пиннекер достиг главного – показал жизнь подземной гидросферы².

Выдающимся вкладом в мировую науку является изданная по инициативе Е.В. Пиннекера и под его редакцией шеститомная монография «Основы гидрогеологии» – огромное достижение сибирской школы гидрогеологов. Монография явилась систематизированным изложением учения о подземной гидросфере. В ней обобщены классические представления и новейшие данные о жизни воды в земной коре. Шеститомник удостоен Государственной премии СССР. Е.В. Пиннекером создана кафедра гидрогеологии и инженерной геологии в Иркутском политехническом институте (ныне ИрГТУ). Под

¹ <http://wolgadeutsche.ru/history/Pinnecker.htm>

² <http://www.en.crust.irk.ru/industry/pinneker.html>

его руководством подготовлено 22 кандидата и 4 доктора наук. Сейчас его ученики и последователи плодотворно работают в России, странах ближнего и дальнего зарубежья. Вся жизнь Е.В. Пиннекера была отдана решению важных научных проблем и задач, претворению теоретических заделов в жизнь. Школа Е.В. Пиннекера по праву считается ведущей гидрогеологической школой России¹.

В результате проделанной работы я узнала много нового о Евгении Викторовиче Пиннекере. В процессе работы над проектом был проведен опрос учеников первой школы, сбор информации в Интернете и поиск родственников Евгения Викторовича. Однако мне еще предстоит попытаться найти людей, которые знали Евгения Викторовича лично – одноклассников, коллег и его учеников. Работа над проектом колоссально обогатила меня. Во-первых, в результате изучения жизненного пути Евгения Викторовича изменилось моё восприятие истории Каргасокского района. Я была взволнована историей мальчика, депортированного, но несмотря ни на что выжившего. И это всё происходило у нас в районе, в Киндале и Каргаске. Во-вторых, Евгений Викторович не просто окончил школу с отличием, с самого детства он был трудолюбив и целеустремлён: несмотря на все сложности, которые вставали у него на пути, он не отступил от цели. Он окончил школу, поступил в институт и нашёл работу «по душе», стал выдающимся учёным. Это пример сильного характером настоящего Человека. Евгений Викторович, как мне кажется, должен являться примером для учеников как первой школы, так и всего района. В завершение хочется сказать, что человек, прошедший столь трудный жизненный путь и добившийся изумительных успехов в своём деле, несомненно, заслуживает почёта, уважения и памяти людей, будущему которых он посвятил всю свою жизнь.

Список сайтов с наиболее подробной информацией о Е.В. Пиннекере

<http://wolgadeutsche.ru/history/Pinnecker.htm>

<http://www.en.crust.irk.ru/industry/pinneker.html>

http://www.soran1957.ru/Default.aspx?id=svet_100616111408_20974

<http://www.lib23.irk.ru/people2.htm>

<http://skizzenzumschick.sal.narod.ru/sourse/pinnecker/pinnecker.htm>

¹ <http://www.en.crust.irk.ru/industry/pinneker.html>

А. Брежнева

КАКАЯ НЕЛЁГКАЯ ДОЛЯ НА ДЕТСКИЕ ПЛЕЧИ ЛЕГЛА

Прошло 70 лет со времени одной из самых ужасных трагедий в истории российских немцев – их массовой депортации из исконных мест проживания в Сибирь и Казахстан. Подавляющего большинства её жертв больше нет в живых. Многие из них погибли ещё в условиях депортации – «трудармейских» концлагерей, долголетнего режима «спецпоселения». Они так и ушли из жизни обесчещенными, с чудовищным клеймом «фашистских диверсантов и шпионов». Вспоминая о трагедии 70-летней давности, мы в первую очередь чтим сегодня их светлую память.

28 августа 1941 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, в котором говорилось о наличии шпионов и диверсантов среди немецкого населения; оно обвинялось в сокрытии врагов советской власти и советского народа. Во избежание нежелательных последствий признавалось необходимым переселить всё немецкое население, проживающее в Республике немцев Поволжья, в другие районы. Для расселения были выделены районы Новосибирской и Омской областей, Алтайского края, Казахстана и другие регионы. Отpravку эшелонов с немцами-спецпереселенцами предписывалось начать 3 сентября 1941 г. В ходе операции из бывшей Республики немцев Поволжья было отправлено 438 280 немцев.

В 1942 г. в наш край было завезено 4 698 немецких семей (16 107 чел.), они были расселены в поселениях от Нарыма до Нового Васюгана. Эта страшная страница истории тесно связана с летописью нашего села. Хочется рассказать о судьбе нашей односельчанки Иды Александровны Эккерман.

Ида Александровна Эккерман (Шрайнер) родилась 1 апреля 1932 г. в селе Ровное (Зельман) Саратовской области Ровенского (Зельманского) района. Родители – Александр Иванович Эккерман и Маргарита Иосифовна Эккерман. Кроме Иды, в семье было ещё две сестры и два брата: Эмма Александровна Эккерман-Рудакова (1925 г. р.), Яков Александрович Эккерман (1926 г. р.), Иван Александрович Эккерман (1927 г. р.), Мария Александровна Эккерман.

Семья жила в частном доме, состоящем из трёх комнат. Отец работал сапожником, мама была домохозяйкой. В 1937 г. мама умерла.

Отец женился во второй раз на женщине, у которой было шестеро детей. Отношения мачехи с приёмными детьми не сложились. Часто дети оставались голодными, прибегали к отцу и просили поесть. Чтобы накормить детей, отец использовал казённые деньги в надежде в будущем заработать и вложить их в кассу. Недостача казённых денег была обнаружена, за что Александр Иванович Эккерман в 1938 г. был осуждён и отправлен в тюрьму. Чтобы дети не остались одни и не попали в приют, А.И. Эккерман пишет письмо своей сестре Люции Ивановне Эккерман в г. Энгельс с просьбой взять детей на воспитание. Л.И. Эккерман оставляет учёбу, приезжает в с. Ровное и заботится о детях. Через год по ходатайству сестры Александр Иванович возвращается домой, но здоровье его подорвано. В 1940 г. он умирает после продолжительной болезни. Дети остаются на полном попечении Л.И. Эккерман.

Беды семьи Эккерман на этом не заканчиваются. 9 сентября 1941 г. по Указу Президиума Верховного Совета СССР №21/160 от 28 августа 1941 все члены семьи были приговорены к депортации. Приговор: спецпоселение в Томской области. Процедура выселения была крайне упрощена. Здесь я хочу привести выдержку из воспоминаний нашей героини: *«В то время мне было 9 лет. К нам домой пришел представитель власти. Сказал, чтобы мы собрались за 24 часа и прибыли на вокзал к поезду. Мы взяли большое одеяло, сменную одежду и еду. Больше ничего взять не смогли. Вышли из дома, не понимая, куда и зачем идем. Прибыли мы на вокзал. Там затолкали нас в телячий вагон, где негде было даже сесть. Закрыли засовами. У каждого вагона стоял конвоир с автоматом. В вагоне были все, от мала до велика: старики, дети, молодые. Сидели на полу, там и кушали, даже по нужде не выпускали. Кормили один раз в сутки, в обед. Воду давали пить два раза. Условия были нечеловеческие. Ехали долго, точно не знаю, сколько...».*

Страшная скученность, духота, антисанитарные условия в вагонах, некачественная вода, особенно при следовании по территории Казахстана, приводили к возникновению инфекционных заболеваний и высокой смертности в пути. Депортация стала для немцев в полном смысле дорогой на Голгофу. Только в пути к местам переселения, в переполненных теплушках, без нормального питания и воды, без отопления, в октябре-ноябре 1941 г. погибло более 50 тыс. человек. В основном это были маленькие дети – будущее нации.

Ида Александровна вспоминает: «...Вот поезд остановился. Прозвучала команда: «Всем выйти из вагонов». Человек в форме сообщил, что мы прибыли в пункт назначения. Это был Мошковский район Новосибирской области. Нас расселили по баракам, в которых условия жизни были ничем не лучше, чем в общих вагонах. Чтобы выжить в этих условиях, необходима была хоть какая-то работа. Но у многих возникали проблемы с трудоустройством по причине незнания русского языка. Мы, дети, вообще не знали ни слова по-русски и не понимали русскую речь. А вот тетушка была грамотная. Вскоре она устроилась работать свинаркой и, чтобы хоть как-то нас прокормить, приносила с работы корм, который предназначался для животных...»

Согласно историческим фактам, по прибытии в пункт назначения депортируемых направляли, как правило, в сельскую местность, хотя городских жителей предписывалось расселять в районных центрах и других городах (кроме областных центров). Это сразу же вызвало у многих серьёзные проблемы с трудоустройством, тем более что далеко не все немцы, особенно из Поволжья, в достаточной мере владели русским языком. Первоначально предусматривалась такая форма расселения депортированных, как вселение их целыми колхозами в существующие колхозы и совхозы. На деле это, конечно, было невозможно. Поэтому вскоре местным властям разрешили расселять немцев «группами семей», что приводило к разрыву устоявшихся родственных и соседских связей. Депортированные чаще всего попадали на подселение к местным жителям, в условия, несравнимые с оставленными на родине.

При всем своем драматизме депортация явилась лишь первым этапом национальной катастрофы российских немцев. Наиболее тяжелые последствия имела повторная депортация выселенных российских немцев из южных районов Сибири на Крайний Север для использования на рыбных промыслах, повлекшая за собой массовую гибель людей. Жертвами этой акции стали в основном немецкие женщины, старики, подростки и дети, не попавшие в «трудармию».

Ида Александровна вспоминает: «... В Мошковском районе мы прожили один год и могли остаться для дальнейшего проживания. Но в связи с тем, что семьи, с которыми мы прибыли из Саратовской области (Эльшайт, Шнайдер, Рользинг, Рааб, Кайлер, Шрайнер), переселяли далеко на север, наша тетя приняла решение ехать с ними. Это было лето 1942 г. До следующего места поселения мы

плыли вниз по реке на барже, под открытым небом. В это время мне было десять лет. По прибытии в с. Тымск нас заселили на первое время в клуб. Отношение к спецпереселенцам было враждебное: детей закидывали камнями, дразнили и называли фашистами. С питанием было ещё хуже, чем на первом месте поселения: на ребенка давали 200 г. чёрного хлеба, а на взрослого – 400 г. Больше из продуктов ничего не было, если только вода. Заедали клопы, вши, блохи. Мы, дети, вчетвером спали под одним одеялом. Это была единственная вещь – частичка нашей Родины...».

Очень трудно представить, как десятилетняя Ида могла всё это вынести на своих детских плечах. На этом скитания этой маленькой и хрупкой девочки не закончились. Дальше её ждали испытания не менее тяжелые. В конце лета немецкие семьи заставили рыть для себя землянки за чертой деревни. Семья Эккерман наравне со всеми строила себе «дом». Высота землянки составляла 1,5 м, а площадь – 5 кв. м, пол земляной, стол, лавки, нары, железная печка. Матрасом служили сено и дель. Землянку отапливали сучьями, которые заготавливали дети. Каждый из семьи Эккерман был трудоустроен. Местную школу дети не посещали, так как плохо знали русский язык. По-прежнему жили впроголодь. Тетя Люция делила норму хлеба на два раза: 100 г на вечер и 100 г на утро. Ночью детям не спалось: не могли дожидаться утра, чтобы съесть вторую половину нормы. Свободную землю рядом с землянками использовать для огорода не разрешали, поэтому не было даже своей картошки. Каждое утро, когда местные жители выносили помои, для немецких детей это была возможность разжиться съестным. Они подбирали очистки, сушили их на печи и ели. Кроме голода большой бедой для детей был холод. Разве могли согреть брезентовые штаны, самодельные лапти (мягкая трава, сверху дель), фуфайки почти на голое тело в 40–45-градусный мороз. Несмотря на голод и холод, немецкое поселение жило дружно, не было вражды и зависти, злобы и отчаянья. Тяжелее было чувствовать себя поднадзорными, испытывать ограничения в правах. Ведь каждый сосланный немец находился под пристальным вниманием комендатуры, приказы и прихоти которой он вынужден был выполнять.

В возрасте 14 лет юная Ида попала в опалу коменданта Демичева. Желая известить непокорную девушку, он отправил ее в марте пешком в с. Канаскино на лесозаготовки на шесть месяцев. Вот как об этом вспоминает Ида Александровна: «...Труд был тяжёлый, три

раза тонула, добрые люди спасли, так и не научилась плавать. Но время работы в Канаскино вспоминаю, как самое светлое, так как ела вдоволь, даже деньги платили. Через шесть месяцев вернулась домой с продуктами и деньгами. Хотелось и дальше зарабатывать деньги, есть досыта. Для этого надо было устроиться на другое место работы. Но из рыбартели не отпускали. Помог случай. Исчезли документы, подтверждающие факт трудоустройства в рыбартель членов семьи Эккерман. В 16 лет устроилась работать нянечкой, ела досыта, зарабатывала 7 рублей в месяц. Наконец-то разрешили разработать сотку земли. Какое это было счастье! У нас теперь была своя картошка. Позже устроилась работать в рыбзавод. Там я работала конюхом, рыбачила, обрабатывала рыбу. Работали по 12 часов в сутки, с полной отдачей, сколько было сил и здоровья. Но наш труд никем не был замечен. Трудовую книжку оформили только с 1950 г. По-прежнему нечего было носить. До сих пор помню, как начальник Воронин выписал мне по талону ткань, синюю и чёрную, по 8 м каждой. Тётка сшила мне мои первые наряды. Радости не было предела! ... В 20 лет встретила свою любовь, вышла замуж за Шрайнера Виктора Ивановича. Жили счастливо, нажили четырёх детей: Виктор (1952 г.р.), Валентина (1955 г.р.), Александр (1956 г.р.), Мария (1960 г.р.). В 1956 г. сняли с комендатуры, только после этого наше трудолюбие стали отмечать грамотами и наградами, а в 1997 г. реабилитировали».

Трудности, которые выпали на долю этой маленькой, но очень сильной женщины, не сломили её ни духовно, ни физически. За время своей трудовой деятельности Ида Александровна имеет множество грамот и наград. В настоящее время она находится на заслуженном отдыхе, но по-прежнему энергична, трудолюбива, жизнерадостна. Эта любящая бабушка и мама отдаёт тепло своего сердца родным и близким, дара то, чего ей так недоставало в детстве.

Ф.Б. Бакит

ОТ ТАРТУ ДО ТОМСКА (Тарту – Ерёмно – Каргасок – Колпашево – Томск)

Я родился 1 мая 1933 г. в Эстонии, в старинном университетском городе, который в разные времена назывался Тарту (Tartu – по-эстонски), Дерпт (Dorpat – по-немецки) и Юрьев (по-русски). Там уже 30 лет жили мои дедушка и бабушка, выходцы из Южной Литвы (ныне Западной Белоруссии). Ко времени моего рождения они обзавелись довольно большой семьей. Тарту оказался для меня второй родиной, если считать первой, т. е. исторической родиной всех евреев, Землю Обетованную, Израиль. Потом, в Сибири, я обрел и третью родину – Томск.

На своей физической родине, т. е. в Тарту, я стал грамотным. Там я научился читать (хорошо) и писать (кое-как). И это событие стало первым шагом на пути к созданию книги воспоминаний. А последним толчком, побудившим меня сесть за стол и начать излагать свои детские воспоминания, оказались настоятельные просьбы, даже требования, детей и внуков.

Безусловно, внуки правы. Они заявили:

– Дед, ты должен, ты просто обязан написать всё о том, что знаешь о своих предках, что помнишь о своём детстве, вспомнить о том, как ты оказался в Сибири, и что из этого вышло. Иначе что же мы-то будем рассказывать своим детям и внукам?

Потомков горячо поддержали сестра Рина и жена Тамара. И не только поддержали, но и помогли советами и заинтересованной критикой. Помогли другие члены нашей семьи и друзья. Всем им я очень благодарен за большую помощь и деятельное участие.

Помимо моих воспоминаний, определенный интерес представляет и история маленького местечка Бакшты, своим названием давшего фамилию довольно большой группе выходцев из Белоруссии, ныне разбросанных по всему миру.

Книга моих воспоминаний состоит из двух частей. Первая – сугубо личная, субъективная. Вторая – историческая, по возможности объективная, насколько это вообще возможно в истории.

Первая часть книги написана на основе моих детских воспоминаний, подкрепленных информацией из различных источников, в том числе моих дневниковых записей и архивных документов. Коротко повествуется о довоенной жизни в Тарту, где меня научи-

ли читать, писать и даже немного размышлять. Как и для любого человека, детские годы были периодом формирования моей сущности. Сущность не меняется с годами. Личность же (Эго) может измениться очень быстро.

За рассказом о Тарту, где рано закончилось моё нормальное детство, следует краткое описание «процедуры» нашей высылки в Западную Сибирь. Здесь помещены рассказы о полной невзгод жизни на севере Томской области, о многих горестях и немногих радостях, которыми нас наделяла судьба в далёком таёжном поселке Ерёмино, в райцентрах Каргасок и Колпашево. Рассказывается о школах того времени, о нашем быте, о режимных процедурах, реализовывавшихся органами НКВД. Подчеркивается непреходящий оптимизм и нашей мамы, и ближайшего окружения, состоявшего из вольных, т.е. старожилов и эвакуированных, и спецпереселенцев. Нам, спецпереселенцам, было очень тяжело. И было тяжело всей стране. Все эти события в той или иной степени касаются и нас, и окружавшего нас мира. Заканчивается этот раздел 1945-м годом – годом великой Победы над фашизмом и годом начала нашей новой жизни, связанной с Томском. Придет время, и появятся строки, рассказывающие об этом замечательном городе.

Вторая часть книги представляет собой краткий экскурс в историю Бакштов – и литовского (польского, российского и белорусского) местечка, и старинного еврейского рода Бакштов, ведущего начало с середины XVII или конца XVIII веков. Эта история любопытна и познавательна, трагична и вместе с тем в чем-то оптимистична. Бакштов преследовали всегда, Бакшты боролись всегда, и Бакшты выжили и живут поныне, будучи достойными своей фамилии.

Пройденный нашим поколением путь, приобретённый им опыт позволили накопить знания, которые очень поучительны. Сохранить и передать эти знания потомкам – наш долг. Ибо сказано: *«...Весьма берегай душу свою, чтобы не забыл ты того, что видели глаза твои, и чтобы не ушло это из сердца твоего все дни жизни твоей, И поведай о них сынам твоим и сынам сынов твоих»*¹. В меру сил своих я попытался последовать этой мудрой тысячелетней заповеди.

О том же недавно очень хорошо написала нам Таня Бакшт – мать Ильи.

«Дорогие бабушка и дедушка!

Вы как две птицы встретились в полете, приземлились и свили

свое уютное гнездышко, вывели птенцов; пришло время, и птенцы разлетелись, свили свои гнезда. Но земное притяжение не властно ни над вами, ни над вашими птенцами. Теперь вы все перелетаете от гнезда к гнезду через моря, горы и равнины, чтобы новые желторотые, глядя на вас, тренировали свои еще не окрепшие крылья для дальних перелетов навстречу друг другу, когда в пути можно будет наслаждаться бесконечностью пустыни, прохладой гор и шумом моря».

Вот для птенцов нашего гнезда и предназначена книга моих воспоминаний. Надеюсь, что мои бесхитростные детские воспоминания будут интересны и нужны потомкам – детям, внукам, правнукам. И, может быть, не только родным, не только множеству Бакштов, но и всем, кто интересуется историей XX века, памятной многими трагическими событиями.

¹ Дварим (Второзаконие): 4:9 // Тора с русским переводом. М., 2005. 450 с.

А. Узун-Хасан-оглы-Поляков

РОДИНА МОЯ – СИБИРЬ

Велика моя скорбь, и много я
Претерпела мук в дни желанные!
Изменила я Царю-Батюшке,
На гульбу пошла, врагом званная...
В мятежах-боях я измаялась,
Наказал Господь меня, пленницу,
Во грехах своих я покаялась,
Прости, Батюшка, дочь-изменницу!

Сергей Бехтеев

Историю России XX в. можно однозначно назвать самой трагической за все её тысячелетнее существование. Все войны и все невзгоды, что пришлось пережить нашему народу и нашему Отечеству со времен первых князей Олега, Игоря и Ольги, не унесли столько человеческих жизней, сколько потеряла Русь за время правления большевизма с 1917 г. по настоящее время. Я не оговорился, именно по настоящее время, ибо большевизм не исчерпался сменой флага: большевистские символы и ныне главенствуют в современной России, и, согласно последней переписи, российский народ вновь обеднел за последние несколько лет еще на 2,2 миллиона человек.

«По переписи 1897 года в России насчитывалось около 129 миллионов человек. По величине коэффициента рождаемости России принадлежало первое место: в России родится по 48 человек на 1000 жителей, в западноевропейских странах – от 22 до 41»¹. Не случись большевистского переворота и той трагедии, что устроили с нашим народом, население России в настоящее время было бы более чем вдвое больше...

С конца 1920-х гг. началось массовое уничтожение крестьянских хозяйств как индивидуальных, самостоятельных производителей. И пошли на погибель первыми крепкие крестьяне, чтобы середняк и бедняк поскорее определились, быть ли им следующими на закляние или «добровольно» привести свою курицу с козой на общий двор, а там и простится с ними. Но, видимо, уж сильно крепок был

крестьянин своим умом, и никак ему не верилось, что неужто всерьез любимая народная власть, свой же народ на погибель погонит, а и погнала, и пошли эшелоны с переселенцами в небытие. Выбрасывали их из жизни, оставляли на островках бескрайних сибирских болот с тем, что в руках было, – все погибайте, а если повезёт, то государство народное вас не забудет, пришлет через год уполномоченного, налоги какие подсобрать да головы посчитать, а как же добро-то народное без присмотру оставить. Осиротела земля русская без хлебопашца, а с тех, что в колхозах остались, какой с них спрос, одни горлопаны да неумехи. В конторе комиссар с председателем нарочного ждут с высочайшим указанием, что и когда сеять, когда сено заготовить – видимо, понимала власть, что нельзя этим неумехам ничего доверить, вот и слала инструкции, да и как же по-другому-то – демократический централизм, что наверху решат, то внизу делать должны. Вот так и доработались, что не стало в стране хлеба вовсе – наступил 1932 год, начался на Руси советской великий голод и мор – горе великое, и человек стал есть человека. Голод 1921 г. был результатом разбойничьей продразверстки, крестьянина комиссары силком обобрали, да так, что и сеять нечего было, ну, а в 1932 г. его, крестьянина, и вовсе добились – не стало на Руси кормильца более.

В 1940 г. в состав СССР вошли западные области Белоруссии и Украины, Бессарабия, Эстония, Латвия, Литва. 14 июня 1941 г. стал чёрным днем в истории прибалтийских народов и большинства русских семей, проживающих в этих республиках. Поздней ночью по заранее составленным адресам поехали черные воронки, как стая хищная: короткое время на сборы, с собой документы и самое необходимое, что можно взять в руки. Мужчины – в одну сторону, женщины и дети – в другую, многие и не поняли, что надо прощаться, что расстаются навсегда и никогда уже более они не увидят друг друга на этом свете. Этот день стал трагедией и для моей семьи, проживавшей в то время в Эстонии, в г. Нарве. Поздней ночью стук в дверь: на пороге чекисты, время на сборы, короткий протокол и – на Нарвский вокзал. Моя бабушка и моя мама по дороге на вокзал и не догадывались, что нужно, уже нужно что-то доброе сказать своему мужу и отцу – последние минуты вместе, не знали, что ждёт их дальняя дорога в вечность. Не знал мой дед, что видит своих дорогих женщин последние мгновения, успел бы хоть расцеловать, но нет, уже на вокзале, и прикладом в спину – в мужской вагон, вагон для врагов народа.

¹ *Россия: Энциклопедический словарь*. Л., 1991. С. 76.

Мой дед Семен Павлович Поляков

Мой дед, Поляков Семен Павлович, участник Первой мировой войны, любил свою Родину, желал ей только благоденствия, а посему и большевизм воспринял как беду всенародную. Боролся с ним в меру сил, «свободная» Эстония и ему, как и многим тысячам белых русских воинов, также обязана своей самостоятельностью. Не мог он никак поверить, что Эстония предаст своих солдат, не пустивших большевиков в 1919 г. на свою землю. В 1940 г. Прибалтика без малейшего сопротивления отдалась на «милость». Дед мой был приговорен к расстрелу по п. 2, ст. 58 уже после его гибели 8 декабря 1941 г. в лагере от болезни, холода и голода. Убили его

комиссары дважды, не надолго пережила его моя бабушка, Елизавета Яковлевна Полякова, умерла в ссылке в поселке Майском Васюганского района 18 февраля 1942 г., соединились на небесах их пострадавшие души. Долгих 17 лет прожила на большевистской каторге моя мама, Тамара Семеновна Полякова, великой жизненной силы человек, смогла родить в неволе двоих детей.

Но не закончилось на том горе российского народа, большевики набирались опыта, и в 1943–1944 гг. депортациям подверглись уже целые народы, пошли в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию эшелоны с карачаевцами, татарами, чеченцами, ингушами... В 1949 г. началась самая масштабная депортация в российской истории. В горное селение недалеко от Сухуми пришла разрядка – отправить в Сибирь определенное количество «врагов» – исполнить и доложить. Так оказался в ссылке мой отец, Узун-Хасан-оглы Ниязи. Был пацаном, когда война началась – не попал под призыв, а потом – немцы. Все, виновен – враг, в Сибирь. Судьба моей семьи неразрывна с судьбой России и в полной мере разделила с ней всё

горе, увы, но радости было значительно меньше, да и может ли быть радость на крови.

Мои родители. Реабилитация, Сибирь, 1958 г.

Моя бабушка Елизавета Яковлевна Полякова

Верю, что Россия, как птица, вернется из долгого странствия, вернется под покровительство Бога её народ, по-другому и быть не может, ибо молятся на небесах о нашем счастье безвинные жертвы, ставшие нашими ангелами.

В.М. Зарубина

ПРОЕКТ «ПРОЩЕНИЕ И ПАМЯТЬ»

В Каргасокском районе Томской области с 2006 г. реализуется гуманитарный проект «Прощение и память», который является событием политического, гражданского, социального и образовательного значения. Тематически проект связан с репрессиями XX в. в России, именно тогда-то и стала каргасокская земля территорией Сиблага. Этот школьный проект – синтез совместной работы учителей и школьников района – получил одобрение и финансовую поддержку районной власти и стал муниципальным. Миссию работы с коллективной памятью и сознанием взяли на себя дети, внуки и правнуки тех, кого называли в наших краях «спецами».

Задетые душевные струны привлекли много партнеров: православную церковь, администрации сел, библиотеки и большое количество людей в районе, области, России и за рубежом. «География боли народной пестра»: Асино, Томск, Тайга, Новосибирск, Кемерово, Алтай, Омск, Искитим, Ростов-на-Дону, Краснодар, Абхазия, Москва, Санкт-Петербург, Камчатка, Украина, Молдавия, Латвия, Литва, Эстония, Швеция, Германия, Израиль, США.

Вспоминаю далекий 1980 год. Польша. Музей-концлагерь Освенцим. Потрясенные увиденным и услышанным выходим на улицу. Мимо нас проходит группа молодёжи, со смехом что-то обсуждая. Громкая немецкая речь звучит кощунственно. Видя наше недоумение, гид нам объясняет, что это группы молодежи из ФРГ, которые постоянно приезжают и работают на территории лагеря, помогают поддерживать порядок, тем самым искупают вину за то, что творили на этой земле немецкие фашисты. Мы переживаем второе потрясение: немцы – другие, они покаяться и сделали это на уровне всей нации. Так впервые в жизни я встретила с общественным покаянием.

25 лет спустя волею судьбы я стала одним из авторов и руководителем проекта «Прощение и память», который с первых шагов мыслился как шаг к покаянию за годы беспамятства, за то, что примером служили придуманные герои, за наш путь в никуда. «Погружение» во время трех экспедиций в историю края, семей, наших близких сняло пелену с глаз. Мы поняли, что герои рядом с нами – это наши близкие: дедушки и бабушки, родители, что земля наша не проклятая, а благословенная, что священники очень интересные люди, что память избирательна, она помнит доброе, хорошее, светлое

и не призывает к мщению. Поколение, пережившее репрессии, своим отношением к прошлому дало нам мощный эмоциональный заряд, передало нравственный вектор, в котором важное место занимает покаяние.

В ходе реализации проекта появилось огромное желание что-то сделать для тех людей, которые прошли через жернова репрессий. Материальные блага не в наших силах, в наших силах подхватить тонкие паутинки памяти, сохранить их и передать следующим поколениям, в этом наш долг и искупление вины. Каждый из нас это делал и делает по-своему.

Власть в лице главы администрации Каргасокского района А.М Рожкова и депутатов думы единодушно поддержали наш проект и полностью финансировали его в течение 3 лет. Благодаря поддержке проекта управлением образования он стал важным событием в жизни района.

По благословию архиепископа Томского и Асиновского Ростислава священники православной церкви отец Александр из Парабели, отец Виктор из Среднего Васюгана, отец Сергей, м. Юлия из Нового Васюгана и, конечно же, наш отец Фёдор, который с первых шагов проекта неизменно с нами, впервые за много лет на водах и берегах васюганского некрополя отслужили заупокойные службы. Они тактично, достойно принимали участие в работе экспедиции – читали лекции, занимались миссионерской деятельностью, общались с участниками экспедиции, взрослыми и детьми, были открыты к диалогу. Это духовно богатые люди, и своим богатством они щедро делились с нами. Результатом этой деятельности стало то, что немало участников экспедиции, взрослых и детей, приняли крещение, стали терпимее, кто-то уже нашел дорогу к храму, а кто-то на пути к нему.

В прошлом лежит ключ к пониманию настоящего. Проект «Прощение и память» через практику подвел нас к этой мысли. Как говорит С.М Климов, сосланный в наши края ребёнком, «делать это очень трудно и многосложно, но в общих чертах можно, и главное, это очень интересно – протоптать хоть узенькую тропинку к тем, чьих шагов уже не слышно». Зачем? Человек – существо биосоциальное, наряду с генетикой биологической есть генетика социальная, культурная, она – связующее поколения звено, которое позволяет нам оставаться и быть людьми. Это звено в XX в. было так искорежено, что вряд ли мы сможем найти что-либо подобное в мировой и отечественной истории.

Большую часть современного населения нашего района составляют потомки спецпереселенцев, для которых сегодня важно понимание, что изучение родословия – это и есть так необходимая для каждого человека поколенная связь, путь к себе, который даёт понимание своего предназначения и ответственности перед последующими поколениями. Когда придет к человеку понимание жертвенности земли, на которой живешь, следом придет понимание, как жить на этой земле. Разве можно плевать на землю, если она священна? Разве будет губить природу человек, если поймет, что крапива, картошка позволили выжить твоим близким и продолжить твой род и родиться тебе?

По сути, проект «Прощение и память» стал мощным и масштабным сеансом психотерапии в деле возрождения и восстановления социальной генетики. Он также дал другое понимание роли детства в жизни человека – короткого, но яркого отрезка. Именно в детстве

формируется личностное «Я» и закладывается нравственная основа. Небольшой тому пример. Вспоминает К. Берзиньш, высланный в наши края девятилетним ребёнком из Латвии. «Это было в 1949 г., весной, уже сошел снег, состав из сталинских вагонов двигался на восток. Я не помню, где мы проезжали, возможно, это было в Латвии, или Эстонии, или Белоруссии. В щелочку замедлившего движение состава увидели девочку, пасшую корову. Из вагонов полетели треугольники-письма. Спустя много лет узнали, что все письма были подобраны, приклеены марки, и письма дошли до адресатов. Никому не знакомая девочка своим поступком соединила, дала надежду многим людям. Что сию двигало? Думаю, что воспитанное и привитое чувство – любовь к ближнему, даже если он в сталинском вагоне».

8 сентября 2011 г. уже выросший мальчик, седовласый мужчина Карл Карлович Берзиньш, вместе со своими соотечественниками, установили в сквере Памяти г. Томска памятный знак – камень скорби, который они привезли из Латвии, с берега Рижского взморья, соединив таким образом очень многих людей и сделав ближе друг к другу Латвию и Россию.

Важно, чтобы современная молодежь не теряла способность *правильно понимать прошлое*, потому что, по мнению историка Ключевского, «история ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков». Каждый из нас должен быть чуточку историком, чтобы по праву стать *гражданином* своей страны.

А. Чебыкина, М. Горюнова, Т. Мусиенко

СИБЛАГ В ПАМЯТИ НАРОДА: МУЗЕИ И ПАМЯТНИКИ ЖЕРТВАМ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ

Тайга, тайга, лишь ты свидетель,
Да наша матушка-река,
Как стоном, плачем наполнялись
твой крутые берега.
Та страшная пора репрессий,
Клеймом ложилась на людей.
Ссылали всех, кто не уместен,
И гнали с родины своей...

Есть в нашем Парабельском районе место, богатое своим историческим прошлым, – это село Нарым. С XVII в. здесь жили ссыльные. Знали нарымские болота участников крестьянских восстаний под руководством Степана Разина и Емельяна Пугачева, пленных шведов и декабристов. В 30–60-е гг. XIX в. в Нарым были сосланы многие польские революционеры, участники восстаний 1830 и 1863 гг. в царстве Польском. В Нарыме остались и поныне семьи-старожилы.

Являясь центром политической ссылки, Нарым имеет много зданий, определенных как исторические памятники республиканского значения и входящих в сводный список памятников истории и культуры Томской области, находящихся под государственной охраной. Исполнительный комитет Томского областного Совета принял решение № 149 от 27 мая 1985 г. об организации охранной зоны исторических мест и зданий села Нарыма Парабельского района. Общая площадь охранной зоны – 12,5 га.

Основная достопримечательность села – Музей политической ссылки, являющийся филиалом Томского областного краеведческого музея. Создан в 1938 г. как «Музей И.В. Сталина» по решению Новосибирского обкома ВКП(б) на месте усадьбы Е.И.Алексеевой. Музей расположен в исторической части села, по ул. Куйбышева, 33. Красивый и ухоженный – иначе нельзя. В Нарым частенько приезжают гости, которые первым делом идут в музей. К нему на протяжении шести десятков лет существования всегда было приковано внимание общества.

Музей политической ссылки

Кроме отделов, посвященных нарымской ссылке, в музее существуют отделы этнографии (селькупов), крестьянского быта (под открытым небом), природы, дом крестьянина Алексеева, в котором летом 1912 г. жил И.В. Сталин, сосланный в Нарым. Прибыв к месту ссылки, он поселился в доме крестьянина Я.А. Алексеева, где прожил 39 дней, после чего совершил побег. Дом Алексеева, именуемый ныне «сталинским домом», стоит на территории мемориального музея и имеет значение мемориального дома с оформленным интерьером.

Дом крестьянина Я.А. Алексеева

Здание Нарымской каталажки, перенесенное на территорию музея

Здесь, на нарах в общей камере, проводили ночи провинившиеся поднадзорные, а самых злостных нарушителей помещали в одиночную камеру. Здесь же, через коридор, окошечко из комнаты надзирателя, пресекавшего всякие мятежные разговоры.

История политической и уголовной ссылки представлена в экспозиции музея с момента основания Нарымского острога в 1596 г. Экспозиция имеет три раздела: ссылка XVII–XVIII веков; ссылка XIX века (декабристы П.Ф. Выгодский и Н.О. Мозгалевский, участники польского освободительного движения, народники) и ссылка начала XX века.

Пространство зала «Политическая ссылка XX века» разделено на две части бюстом Сталина, представляющим фрагмент пятиметровой статуи, стоявшей в Нарыме на берегу Оби. Справа от него – экспозиция по истории царской ссылки, слева – по истории советской. В зале размещены многочисленные портреты Сталина – элементы экспозиции бывшего музея Сталина.

Постепенно, с 1991 г., в постоянной экспозиции стали появляться отдельные экспонаты и документы по истории репрессий при советской власти.

Стационарная экспозиция по ссылке в Нарым в XX веке создана по инициативе Томского областного краеведческого музея, открыта в 2001 г. и размещена в отдельном зале.

На стендах и в витринах, посвященных советской ссылке, размещены фотографии «трудовых будней» и быта в спецпоселках Нарымского края, фотографии, воспоминания и документы спецпереселенцев – раскулаченных, депортированных украинцев, литовцев, латышей, эстонцев, немцев и поляков.

Среди подлинных предметов в экспозиции «Крестьянский быт» (под открытым небом) выставлены бочонки для дегтя, найденные на плотбищах спецпереселенцев.

Коллекции по истории политической ссылки начали формироваться спорадически с 1991 г., целенаправленный сбор материалов сотрудники музея ведут с 2001 г. Коллекции формируются путем работы с местными жителями, осуществляется сбор документов и предметов быта у бывших спецпереселенцев и ссыльных как в Нарыме, так и в поселках Талиновка, Шпалозавод, Луговское. В фондах музея хранятся фотографии, документы и воспоминания бывших спецпереселенцев – всего около 500 ед. хр. Собраны предметы быта и орудия труда спецпереселенцев: кухонная утварь, чемоданы, топор, ножницы и т.д. – всего около 50 ед. хр. Кроме того, имеются образцы прикладного творчества – вышивка.

В фонде фотографий – отчетный фотоальбом ОГПУ «Советский Север» об освоении спецпереселенцами Нарымского края.

С 2001 г. Музей организует передвижные выставки. Так, в 2003 г. выставка «Корни и щепки» о судьбах спецпереселенцев в Нарымском крае экспонировалась в Доме культуры села Парабель.

Мало кто сегодня не знает о трагической судьбе немецкого народа, проживавшего в советском Поволжье и оказавшегося в Нарымском крае в числе невольных переселенцев. В 1941–1942 гг. было депортировано в Сибирь свыше 1 млн немцев Поволжья. Пере-

жив унижения и ужасы депортации, годы отчуждения и забвения, люди находят в себе силы простить и забыть все. Указ о снятии российских немцев с учета в спецкомендатуре был издан только в 1956 г. Это произошло через 11 лет после окончания войны и через 15 лет после ее начала. При этом люди были лишены права выезда на прежнее место проживания – в Поволжье.

Дети, которые выжили в этом кошмаре, подросли, получили образование и специальности. Робкие ребята, волею судьбы оказавшиеся в совершенно чуждых им условиях, не знавшие языка, упрямо карабкались по этой жизни. Многие из них стали грамотными и квалифицированными рабочими, специалистами, руководителями. Они долгие годы честно и добросовестно трудились на предприятиях и в организациях района, вносили огромный вклад в хозяйственное и культурное строительство. Имена многих потомков спецпереселенцев не сходили со страниц районной газеты. Чем объяснить этот феномен? Многие считают, что особенностью немецкой нации адаптироваться в самых сложных исторических и жизненных условиях, такими чертами, как трудолюбие, трезвость, порядочность и пунктуальность. И сегодня потомки российских немцев с успехом трудятся на благо Парабельского района – это Федор Федорович Райс, Лидия Яковлевна Кокуркина, Мария Германовна Кривенко и многие другие.

10 июля 1942 г. в Парабельский райисполком и на рыбозавод пришла телеграмма из Нарымского окрисполкома и Новосибирского госрыбтреста о направлении немцев-переселенцев бывшей автономной республики немцев Поволжья в качестве рабочих гослова. В ней говорилось: «Ближайшие дни решению областных организаций вам будет завезено 2 000 человек рабочих гослова, включая женщин, детей немцев-переселенцев... Вселяются: Невальцево – 200, Алатаево – 400, Нарым – 600, Городище – 200, Парабель – 600 человек...».

«Обращает на себя внимание тот факт, что людей, в числе которых в основном старики, женщины и дети, так как мужчины поголовно были направлены в трудовую армию, предлагалось использовать у нас в районе в рыбной отрасли. Люди, принимавшие такое решение, вряд ли задумывались о том, что прибывшие из теплых мест, из степных районов не смогут работать в рыбной промышленности, где нужны специальные знания и навыки, – говорит Федор Федорович Райс. – Местные власти поняли это сразу по прибытии переселенцев в Нарым. Людей стали расселять не только в рыбопромысловые поселки, но и в те населенные пункты, где преобладало сельское хо-

зайство и лесная отрасль, – в колхозы и леспромхозы. Никакого жилья, конечно, переселенцам не предоставляли. Люди жили в бараках и землянках, которые сами себе и рыли.

Голод, холод, суровые климатические условия, ежедневные стрессы, необходимость ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре – все это не могло не сказаться на здоровье и смертности переселенцев. Никакой официальной статистики, разумеется, по этому поводу нет. Да и кому ее было вести. Я рискну предположить, что за 3 года (с 1942 по 1945 г.) умер каждый третий немец. Мои расчеты строятся на примере нашей семьи. Семья состояла из 8 человек. Старшим был мой дед по материнской линии. Я в семье был самым младшим. Когда нас привезли в Нарым, мне было 2 года. К концу войны в живых из нашей семьи осталось 3 человека (я, моя мама и ее брат). Я думаю, что такое соотношение можно смело применить и ко всей немецкой диаспоре, прибывшей в Нарым. Из 2 000 российских немцев к концу войны в живых осталось не более 700 человек».

Памятник жертвам политических репрессий в селе Парабель был установлен 28 августа 2005 г. по инициативе Парабельского

краеведческого музея, идея была поддержана и бывшим главой администрации Парабельского района Николаем Васильевичем Кобелевым.

Ежегодно, 28 августа, в день выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья», потомки спецпереселенцев собираются к нему на митинг.

В этом году потомки российских немцев собрались у памятной стелы 30 августа и возложили цветы в память о безвинно пострадавших в годы сталинских репрессий родных и близких людей.

Парабельский филиал томского Российско-немецкого дома сегодня работает над созданием «Книги памяти». Она будет посвящена судьбе российских немцев, высланных в годы репрессий на парабельскую землю.

Во время проведения акции «Прощение и память» были возведены деревянные кресты как символы памяти и покаяния современных поколений о скорбных событиях прошлого. Проект по установке типовых мемориальных знаков жертвам политических репрессий поддержан администрацией Каргасокского района Томской области. Памятные кресты устанавливаются и в Каргасокском, и в Парабельском, и в более северных районах. В 2006 г. установлено 22 креста,

в 2007 г. – 16. В нашем районе мемориальные кресты установлены в селе Парабель, в устье реки Палоя (на месте высадки спецпереселенцев) и в поселке Шпалозавод.

В ходе акции «Прощение и память» нарымскими школьниками было собрано множество материалов о сосланных в наш край. В связи с этим в музее Нарымской средней общеобразовательной школы была создана экспозиция, которая содержит папки, альбомы, газетные материалы, рассказы людей.

Но главной ценностью являются анкеты сосланных, опрошенных в ходе акции.

В ходе изучения и обработки этих анкет были сделаны определенные выводы. Среди опрошенных 94 % указали, что не использовали наемный труд до ссылки. Самыми частыми причинами ссылки названы «кулачество», «зажиточная жизнь» «отказ вступать в колхоз» или же «ссора с председателем колхоза». Кроме того, 4 % опрошенных не знают причин ссылки. Большая часть опрошенных была сослана в 1930 г., немногим меньшее количество пришлось на 1931 и 1941 гг. По рассказам людей, ссылали обычно от 2 до 7 человек, но имелись и случаи ссылки 17 и даже 22 человек.

При подготовке к исследовательской работе мы провели беседу с Любовью Федоровной Мищук, которая была сослана в Нарымский край в 1930-е гг.

Она родилась 13 мая 1922 г. в Алтайском крае. Как и многие жители нашего района, Любовь Федоровна не по своей воле оказалась в Нарыме. Родители были работящими, поэтому семья находилась в списке зажиточных. Вызвали как-то отца Любви Федоровны в сельский Совет и сразу забрали, дали ему 2 года тюрьмы и увезли в Барнаул. Закончилась спокойная жизнь и для семьи: подогнали к дому лошадей и отправили мать с детьми в Нарымский край. Это был 1931 г. Любе шел девятый год.

Л.Ф. Мищук

Путь был очень тяжелым: запомнились слезы и голод. Высадили в Тарске, а потом увезли на Болотное. Нет жилья, одно небо над головой, а кругом болото. Воды не было, зимой ее таяли, а летом так и пили – прямо из болота. Питались гнилушками, опилками, казалось, что желудки лопаются. Но кушать хотелось. Люди, привезенные вместе с семьей Любы, начали умирать. Человек 500 похоронили, закапывали прямо в снег. Выживали самые сильные и здоровые люди, в том числе и дети.

А через 2 года приехал отец, его выпустили из тюрьмы. Он сразу начал строить дом для большой семьи в другом поселке, а мать осталась с детьми. Жили голодно: ели гнилую картошку и все, что под руку подвернется и что можно жевать. Так жили все переселенцы.

Вырос Нарым за годы своего существования. Сейчас его северная окраина застроена типовыми добротными домами лесозаготовителей, там же разместилась и красавица-школа. Но свято здесь чтят память о жертвах политических репрессий, чья жизнь оборвалась в Нарыме. Неподалеку от средней школы есть мемориальное кладбище. Это место стало святым для всех – дети и взрослые заботятся об этом кусочке трагического прошлого.

Литература и источники

- Земля парабельская* / Под ред. Я.А. Яковлева. Томск, 1996.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири: Весна 1931 – начало 1933 г.* / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецов, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова. Новосибирск, 1993.
- Спецпереселенцы в Западной Сибири: 1933–1938 гг.* / сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецов, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко, Р.К. Суханова. Новосибирск, 1994.
- Тамарина Руфь. Новогодняя ночь.* Томск, 1999.
- Полни имя своё* / под ред. А.Н. Баловневой. Томск, 2008.
- Диски, дневники из музея Нарымской СОШ – материалы акции «Прощение и память».*
- Материалы Нарымского музея политических ссыльных.*